

Univerzita Karlova v Praze
Pedagogická fakulta

Bakalářská práce

2013

Valentin Orlovskiy

UNIVERZITA KARLOVA V PRAZE

Pedagogická fakulta

Studijní program: Specializace v pedagogice

Obor: B D-RJ

Název bakalářské práce:

Творчество Аркадия Аверченко в эмиграции

Autor bakalářské práce: Valentin Orlovskiy

B D-RJ

Vedoucí bakalářské práce: PaedDr. Antonín Hlaváček

2013

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci na téma
„Творчество Аркадия Аверченко в эмиграции“
vypracoval samostatně s využitím literatury a informací, na něž odkazuji.

V Praze dne 20. června 2013

Valentin Orlovskiy

Rád bych poděkoval rodině za podporu a také PaedDr. Antonínu Hlaváčkovi za vedení a pomoc při psaní bakalářské práce

Название:

Творчество Аркадия Аверченко в эмиграции

Абстракт

Дипломная работа «Творчество А.Аверченко в эмиграции» посвящена исследованию творчества выдающегося писателя первой трети XX века, признанного классика российской сатирической и юмористической прозы.

Цель исследования – анализ литературной деятельности А.Аверченко в контексте масштабного революционного перелома в истории России, изменений в природе юмора писателя в эмиграции и влияния новой среды на творчество сатирика в период его жизни в Чехии.

Предметом анализа в настоящей работе является также единственный юмористический роман Аркадия Аверченко «Шутка Мецената», написанный им в эмиграции.

Ключевые слова:

«Сатирикон», «Новый Сатирикон», «король смеха», сатирическая проза, революция, эмиграция, юмористический роман, Прага, русское зарубежье

Title of the Bachelor Thesis:

The creation of A.Averchenko in emigration

Abstract

The graduate work «The creation of A.Averchenko in emigration» is dedicated to the research of the creative work of an outstanding writer of the XX century beginning, who is a well-known classic of Russian satiric and humorous prose.

The aim of research is the analysis of Averchenko's literary activity during the giant revolutionary turn in Russian history, the changes in his sense of humour in the emigration and the influence of the new society on the writer's creation in his Czech period of life.

The object of analysis in this work, as well, is the single Averchenko's humorous novel «The Joke of the Maecenas», written in the emigration.

Key words:

«Satyricon», «New Satyricon», «King of laugh», satirical prose, revolution, emigration, humorous novel, Prague, Russians in foreign countries

Název:

Tvorba Arkadije Averčenska v emigraci

Abstrakt

Bakalářská práce na téma «Tvorba Arkadije Averčenska v emigraci» je věnována studiu tvorby významného spisovatele první třetiny XX. století, uznávaného klasika ruské satirické a humoristické prózy.

Cílem této studie je analýza literární činnosti Averčenska, v kontextu rozsáhlého revolučního zlomu v historii Ruska, změn v povaze humoru spisovatele v exilu a vlivu nového prostředí na tvorbu satirika během jeho života v Československu.

Předmětem analýzy v této práci je také jediný humoristický román Arkadije Averčenska "Žert mecenášův", který byl napsán v exilu.

Klíčová slova:

«Satirikon», «Nový Satirikon», «král smíchu», satirická próza, revoluce, emigrace, humoristický román, Praha, ruské zahraničí.

Содержание

Введение.....	2
Глава 1	5
СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	5
ЖУРНАЛ «САТИРИКОН» И «САТИРИКОНСКИЙ БАТЬКА».....	7
«НОВЫЙ САТИРИКОН».....	12
СВОЕОБРАЗИЕ НОВЕЛЛИСТИКИ А.АВЕРЧЕНКО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1900-1917 гг.).....	15
Глава 2	19
РЕВОЛЮЦИЯ – «ЧЕРТОВО КОЛЕСО».....	19
ПРОБЛЕМАТИКА И ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (1917-1921 гг.).....	21
Глава 3	25
ЧЕХИЯ – ВТОРАЯ РОДИНА ПИСАТЕЛЯ.....	25
ТВОРЧЕСТВО А.АВЕРЧЕНКО В ЭМИГРАЦИИ.....	29
«ШУТКА МЕЦЕНАТА» – ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РОМАН А.АВЕРЧЕНКО	35
Заключение.....	41
Библиография.....	43
Резюме	44

Введение

Аркадий Аверченко был одним из самых популярных и влиятельных писателей первой трети XX века, завоевавший еще при жизни титул «короля смеха». Он по праву входит в когорту признанных классиков российской юмористики.

Редактор и бессменный автор широко популярных журналов «Сатириконъ» (1908-1913) и «Новый Сатириконъ» (1913-1918), создатель собственной комической манеры повествования, он на долгие десятилетия задал вектор развития отечественной сатирико-юмористической журналистики и прозы.

Аркадий Аверченко обогатил литературу яркими образами и мотивами, отображающими жизнь России в эпоху трех революций. Художественный мир писателя вбирает в себя многообразие сатирических типов, поражает обилием специфических приемов создания комичного. *«В его юморе было что-то простое, хрустящее, свежее – точно арбуз на зубах. Так и жизнь «надкусывал» просто, по-здоровому, смеющимися крепкими зубами...и зорко, и цепко видели его глаза...следили за жизнью жадно и вкусно...всё видел по-своему, по-новому. Там, где мы притерпелись, присмотрелись, – где для нас были слитные, привычные контуры, – там он – нежданно и легко – видел смешное. Благословлял жизнь, – черпал ее, любя, а она стекала щедрая серебряными струями, жемчугами, и смеялась, и ответно плескалась»* (Сергей Горный).¹

На его творчестве формировались признанные писательские таланты Михаила Булгакова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Михаила Зощенко.

Аркадий Аверченко стоял у истоков российской кинокомедии и эстрадного театра.

Современники считали его одним из лучших юмористов своей эпохи, называли русским Марком Твенем, сравнивали с мастером короткого рассказа О'Генри, ставили его имя в один ряд с Дж.К.Джеромом и Ярославом Гашеком.

Произведения писателя переведены на многие европейские языки.

Вместе с тем его называют одной из самых загадочных фигур в русской литературе XX столетия. Споры возникают по поводу даты и места рождения писателя, обстоятельств его детства, личной жизни, также полной загадок и неясностей.

Революция 1917 года, заставившая покинуть родину и навсегда оставившая в душе писателя трагический излом, на долгие годы закрыла его имя для читателей. Заняв открытую антисоветскую позицию, Аркадий Аверченко вошел в число запрещенных авторов. Были недоступны воспоминания о нем литераторов-эмигрантов. Архивы

¹Аверченко Аркадий. Русское лихолетье глазами «короля смеха»/Сост.А.Е.Хлебиной, В.Д.Миленко. – М.: Посев, 2011, с.372

писателя находились на спецхранении. В советском литературоведении практически не поднимался вопрос о влиянии писателей-белоэмигрантов на литературный процесс начала XX столетия.

Таким образом, имя Аркадия Аверченко длительное время почти не упоминалось в связи с историей развития русской литературы. Исключение могут составить ряд статей О. Н. Михайлова, посвященных дореволюционным юмористическим рассказам А. Т. Аверченко, и книга Л. А. Евстигнеевой «Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы» (1968), в которой (во многом с сохранением идеологических воззрений того времени) дается характеристика литературного и журналистского творчества ведущих сотрудников популярнейшего юмористического журнала.

Серьезное изучение литературного наследия А.Т.Аверченко началось лишь в начале 90-х годов XX века.

К настоящему моменту достойный вклад в изучение его творчества внесли исследовательские работы Д. А. Левицкого (США), Л. А. Спиридоновой, О. Н. Михайлова, Д. Д. Николаева, Е. К. Гуровой, Е. Н. Брызгаловой и других.

Особую ценность представляет книга Д. А. Левицкого «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко» (1999), которая в данное время является единственной монографией о сатирике. Изданная в Вашингтоне в 1973 году с названием «Жизненный путь Аркадия Аверченко», монография была дополнена новыми данными и вышла в свет уже в России. Автор первым из литературоведов познакомился с архивом А.Т. Аверченко и собрал редчайшие свидетельства друзей и коллег писателя. К слову сказать, именно он установил и разрешил некоторые явные противоречия биографического характера. В значительной степени в монографии представлена зарубежная критика о литературной деятельности известного сатирика и юмориста.

Цель настоящей работы – сопоставить творчество писателя дореволюционного и послереволюционного периодов; рассмотреть изменения в природе юмора А.Аверченко в эмиграции; выявить связь его творчества с русской литературной традицией, с одной стороны, и с европейской юмористической школой – с другой стороны.

Структура дипломной работы обусловлена этапами жизненного пути и творчества Аверченко, эволюцией его художественного метода. Художественные произведения неизбежно являются своего рода документами эпохи, отсылая читателя к историческим и культурным реалиям того времени.

Дипломная работа включает в себя три главы и заключение. Глава 1 посвящена дореволюционному творчеству А.Аверченко, определению его места в русском литературном процессе начала XX века.

В главе 2 мы рассматриваем литературную деятельность писателя в контексте масштабных катаклизмов, повлиявших на развитие мировой истории и на судьбу автора.

В главе 3 основное внимание уделяется творчеству А.Аверченко в эмиграции, анализу единственного романа «Шутка Мецената», делается попытка обнаружить связи его творчества с традициями русской и европейской юмористической литературы.

В заключении мы анализируем, как повлияла новая среда писателя на его творчество и резюмируем наши наблюдения, собранные в ходе исследования по теме дипломной работы.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аркадий Тимофеевич Аверченко родился 15 (27) марта 1880 года в Севастополе в семье купца 2-й гильдии Тимофея Петровича Аверченко. Как позднее заметил в одном интервью сам писатель, о месте его рождения «спорили» три города – Харьков, Севастополь и Одесса («Автобиография», 1923).

Однако место рождения явилось не единственным спорным местом в биографии писателя. В попытках восстановления точной даты обнаруживаются заметные разночтения. Крымские исследователи заинтересовались этим лишь в конце 1990-х годов в связи с актуализацией темы гражданской войны. Тогда была обнаружена в Книге записи актов гражданского состояния Петро-Павловской церкви, хранящейся в Государственном архиве Севастополя и впервые опубликована правильная дата рождения писателя – 15 марта 1880 года. Сам автор излагает факт своего появления на свет, утверждая, что этот день был отмечен звоном колоколов и всеобщим ликованием (день рождения писателя совпал с празднованием по случаю коронации Александра III).

«Когда акушерка преподнесла меня отцу, он с видом знатока осмотрел то, что я из себя представлял, и воскликнул:

– Держу пари на золотой, что это мальчишка!

«Старая лисица! – подумал я, внутренне усмехнувшись. – Ты играешь наверняка».

С этого разговора и началось наше знакомство, а потом и дружба» («Автобиография»).

О своем отце, который судя по приведенному фрагменту, тоже обладал чувством юмора, Аверченко вспоминал с иронией и любовью. В своем творчестве он не раз размышлял над тем, что за человек был его отец.

«Отец мой, будучи по профессии купцом, не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами, каким бы образом поскорее разориться? Это было мечтой его жизни, и нужно отдать ему полную справедливость – добрый старик достиг своих стремлений самым безукоризненным образом» («Автобиография»).

В связи с фактом разорения отца биографы Аверченко считали, что именно по этой причине Аркадий не получил никакого образования. Сам писатель этого никогда не подтверждал и объяснял отсутствие образования исключительно состоянием здоровья. Он рос слабым, болезненным ребенком и страдал сильной близорукостью, которая стала

серьезным препятствием для поступления в единственное в городе реальное училище, где много учебного времени отводилось точным и техническим дисциплинам, в том числе рисованию и черчению.

«Легенда о том, что я мальчик больной, хилый, который не может учиться, росла и укреплялась, и больше всего заботился об этом я сам» («Автобиография»).

Домашним образованием Аркадия занимались старшие сестры, отец обучал сына азам бухгалтерии, что потом ему пригодилось в профессиональной жизни.

О детских и юношеских годах будущего «короля смеха» известно мало. Главным образом, из его рассказов, вышедших в сборниках в 1910 году, где он в свойственной ему гротесковой манере делится воспоминаниями о себе, о родителях, пяти сестрах, друзьях детства, о юности, а позднее о службе «конторщиком» на Брянском каменноугольном руднике и др. Факты в рассказах причудливо смешаны с фантазией и явно стилизованы под творческую манеру Марка Твена и О'Генри.

Как писал А.Куприн, Аверченко «...побродил и потолкался по свету. В его памяти запечатлелось ставшее своим множество лиц, говоров, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И всем этим богатством он пользовался без труда, со свободой дыхания».²

Самые первые опыты А. Аверченко, чувствовавшего влечение к писательской деятельности, относятся к 1902-1903 годам в Харькове. Он печатался в местных СМИ, *«...пытался издавать сатирические журналы («Сатир», «Оса», «Одуванчик»), но это такие жалкие попытки, о которых лучше не говорить...писал, и рисовал, и редактировал, и корректировал – теперь и вспомнить смешно» («Автобиография»).*

Гораздо больший успех Аверченко принесли журналы «Штык» (1906-1907) и сменивший его «Меч», просуществовавший совсем недолго – вышло всего три номера. В автобиографической повести «Подходцев и двое других» (1917), в которой немало отсылка к харьковской юности, он упоминает о цензурных запретах, согласно которым разрешалось выпускать не более двух номеров одного названия. Главные герои решили издавать собственный сатирический журнал, но после выхода первого номера к ним явился околоточный и объявил, что издание «за вредное антиправительственное направление – прекращается». Подходцев сказал своему приятелю: *«Почему ты, Клинков... не предупредил меня, что мы живем в России?»*

За время шестилетнего пребывания в Харькове молодой журналист досконально узнал и освоил все виды работ в юмористическом журнале (он писал фельетоны, рассказы, рисовал карикатуры, являясь замечательным «темачом», легко придумывая темы для рисунков).

² Куприн А.И.Аверченко и «Сатириконт»/А.И.Куприн об искусстве и литературе – Минск, 1969

Но звезда Аркадия Аверченко на литературном небосклоне стала стремительно восходить лишь после переезда начинающего писателя в 1908 году в Петербург.

ЖУРНАЛ «САТИРИКОН» И «САТИРИКОНСКИЙ БАТЬКА»

Новаторство в сатирической прозе, успех А. Аверченко-писателя у российских и европейских читателей можно понять в контексте его деятельности в журналах «Сатириконъ» и «Новый Сатириконъ» (далее – «Сатирикон» и «Новый Сатирикон»). Там впервые были опубликованы почти все произведения Аверченко.

«Сатирикон» был особым журналом в дореволюционной России. В доказательство кратко опишем общественно-историческую ситуацию того времени.

После императорского Манифеста 17 октября 1905 года *«как будто кроваво-красная ракета взвилась... – писал Аверченко. – Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью. Все ходили, задрвав восхищенно головы и подмигивая друг другу на эту яркую ракету: – Вот она где, свобода-то!»* («Мы за пять лет», 1913).

Наступает газетный бум, растут тиражи изданий, беспрерывно трещит сатирический фейерверк – фельетоны, карикатуры, жанровые сценки, анекдоты с прозрачными политическими намеками и др. В период 1905-1907 годов в России выходило более 300 сатирических и юмористических журналов, из них самое большое количество в Петербурге – 178. Страна громко и зло смеялась сама над собой, получая в разрешенном занятии явное удовольствие.

К моменту появления «Сатирикона» (первый номер вышел 1 апреля 1908 года) эта «нива» стала весьма неоднородной. Развитие русской сатиры в начале двадцатого века отразило многогранный, сложный, противоречивый процесс борьбы и смены исторических эпох и литературно-художественных направлений. Об этом времени А.Куприн сказал: «Тогда все явления жизни как-то вдруг кошмарно переплелись, сдвинулись и взгромоздились: крах японской кампании, лиги любви, экспроприации, повальная мания самоубийств, революция, погромы. Гапон, карательные экспедиции, Дума и ее разгон, Союз русского народа, бомбометатели. Такой дьявольской мешанины – смешной и страшной, – я думаю, не видала мировая история. Восстановить ее в точном эпическом изображении невысказано. Просто – была бурда» («Встреча»). Публику можно было увлечь только чем-то ужасным, отталкивающим, brutальным. Толпами ходили на чемпионаты по французской борьбе. В прессе в первую очередь читали хронику происшествий: чем кровавее драма, тем выше тираж. Газеты этих лет превратились в капиталистические предприятия, а многие редакционные коллективы – в акционерные компании. Во всех областях искусства расцвел натурализм. Театральные

постановки тяготели к мазохистскому созерцанию смерти во всех ее формах. В моде были декаденты и ницшеанство. В литературе наблюдалось противоборство различных художественных методов и вместе с тем расцветала низкопробная беллетристика, «напичканная всякими модными вопросами...общедоступное варево из всех «проклятых» вопросов сразу...».³

Сатирико-юмористическая литература в тот период переживала кризис. Журналы, рожденные революцией 1905 года, уже были закрыты. Жесточайшая цензура пощадила лишь «беззубых ветеранов» – «Будильник», «Осколки», «Стрекозу» (журнал, издававшийся более тридцати лет, в его редакции начинал свою петербургскую жизнь Аркадий Аверченко). Они влачили жалкое существование, кормясь анекдотами о теще и подвыпившем купце. Фельетон оставался господствующим сатирическим жанром. Позднее Аверченко с гордостью скажет: *«Мы подняли упавший, скитавшийся до того по задворкам...русский юмор на недосыгаемую высоту»* («Мы за пять лет», 1913).

С журналом сотрудничали художники Н.Ремизов, А.Радаков, А.Бенуа, М.Добужинский, юмористы Н.Тэффи и О.Дымов, поэты Саша Черный, С.Городецкий, О.Мандельштам, В.Маяковский. Там печатались А.Куприн, Л.Андреев, А.Толстой, А.Грин.

Но «держал» каждый номер, несомненно, Аркадий Аверченко, остававшийся редактором в течение десяти лет и писавший во все разделы «Сатирикона» под разными псевдонимами (подробный перечень в словаре И.Ф.Масанова насчитывает 48 вариаций, читателям наиболее запомнился «Аве», по первым буквам фамилии писателя). Тот же Куприн вспоминает: «молодой, яркий талант Аверченко, его популярность, его легкая рука и его беззаботная энергия сделали здесь очень много. Но, и то сказать, какая славная семья сотрудников его»⁴. Подтверждение этим словам мы находим у самого Аверченко: *«...помнишь хорошо, как создавался каждый номер, помнишь все тягости его рождения и тернии, с его выпуском связанные... – но вместе с тем совершенно не помнишь и не постигаешь, как созданы все эти триста номеров в их общей массе. Неужели всё это сделано нами, пятью-шестью людьми, единственным оружием которых были карандаш, перо и улыбка...»* («Мы за пять лет», 1913).

Сатириконцы «первые засмеялись простодушно, ото всей души, весело и громко, как смеются дети. В то смутное, неустойчивое, гиблое время «Сатирикон» был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух».⁵

³ Миленко В. Д. Аркадий Аверченко./Жизнь замечательных людей.– М., Молодая гвардия, 2010

⁴ Куприн А.И.Аверченко и «Сатирикон»/А.И.Куприн об искусстве и литературе. – Минск, 1969

⁵ Куприн А.И.Аверченко и «Сатирикон»/А.И.Куприн об искусстве и литературе. – Минск, 1969

«Сатирикон» пользовался огромной популярностью, «сам шел в руки на каждом углу».⁶

В трамваях переговаривались цитатами из Аверченко, в железнодорожных вагонах всех классов над его книгами хохотали пассажиры. Афоризмы сатирика звучали с трибуны Государственной думы, мальчишки-газетчики выкрикивали его имя. Император Николай II любил и читал рассказы писателя членам своей семьи. «Одну из старых книг Аверченко нашли в Екатеринбурге, в комнате расстрелянного царя, а более свежую в кабинете недавно умершего Ленина» (Аркадий Бухов).

Ценители М. Горького и Д. Мамина-Сибиряка считали его вульгарным хохмачом, называли буржуазно-либеральным острословом. Критики пеняли на излишнюю плодовитость, торопливость, на что Аверченко отвечал: *«Упрек в многописании – если в него вдуматься – упрек, не имеющий под собой никакой солидной почвы. И вот почему: я пишу только в тех случаях, когда мне весело. Мне очень часто весело»*.⁷

Главный «герой» сюжетов Аверченко – быт большого города. В Петербурге-Петрограде стократ убыстрен самый ритм, бег бытия: *«Кажется, будто позавчера повстречался на Невском со знакомым господином. А он за это время или уже Европу успел объехать и женился на вдове из Иркутска, или полгода как застрелился, или уже десятый месяц сидит в тюрьме»* («Черным по белому», 1913).

Каждая мелочь, каждая новинка быта становится для Аверченко источником неиссякаемой изобразительности и юмора. Вереница героев, которая проходит перед глазами читателя – это глуповатые горничные, влюбленные коммивояжеры, туповатые городовые, мечтательные барышни, философствующие конторские служащие, графоманы, атакующие редакции изданий и другие.

С легкостью фокусника извлекает молодой писатель остроумные сюжеты, он готов, кажется, создавать рассказы «из ничего» и напоминает своей богатой выдумкой сотрудника «Стрекозы» и «Будильника» Антошу Чехонте.

Насмешкам Аверченко и «Сатирикона» подвергается пошлость, тупость, жадность, тщеславие, обывательщина.

Веселые аверченковские рассказы, построенные на комизме положений, быстро сделали автора популярнейшим писателем-юмористом той эпохи, а ведение постоянных рубрик журнала «Почтовый ящик «Сатирикона» и «Волчьих ягоды» позволило проявить талант Аверченко – «природного юмориста», как отзывались о нем коллеги.

Через «Почтовый ящик» редактор Аверченко вел переписку с неизвестными графоманами. В рассказе «Аргонавты» (1909) автор-повествователь жалуется на тяжкое

⁶ Слонимский М. Завтра. Проза. Воспоминания. /Л., 1992

⁷ Аверченко А. Т. Зайчики на стене. 1911

бремя редакторского труда, состоящего в ежедневном просмотре многочисленных рукописей:

«Произведения, которые присылались авторами с прямой и бесхитростной целью увидеть свое имя в печати, были в большинстве случаев удивительным образчиком российской безграмотности, небрежности и наивности».

У Аверченко есть целый цикл юмористических миниатюр, которые строятся на диалоге Редактора и Автора. Примером может служить фрагмент новеллы «Секретарь из почтового ящика» (1909). В завязке сюжета к редактору приходит очередной «гений», пишущий под псевдонимом «Царь Эдип»:

– *Забористый псевдонимчик. Вы, наверно, были удивлены, когда отвечали первый раз в почтовом ящике. Что, бись, вы тогда ответили?*

– *Если не ошибаюсь так: «Здесь. Царю Эдипу. Написано с царственной небрежностью. Уничтожили».*

О стиле работы Аверченко как редактора сохранились воспоминания сатириконцев, в которых все мемуаристы единодушно признают за ним главенствующее положение «сатириконского батьки». Аркадий Тимофеевич был «на своем месте»: до мельчайших нюансов разбирался в редакционной «кухне», умело руководил коллективом, знал обо всех проблемах своих коллег по творческому цеху. Он любил жанровое разнообразие, пестроту и легко соглашался на эксперименты в журнале. «Я много видел на своем веку редакторов, и должен сказать, что Аверченко был одним из самых острых и чутких», – заключает Е.Зозуля.⁸

Провозгласив иронично-благодушное отношение к жизни с позиции спокойного, ироничного и простодушного наблюдателя, сатириконцы высмеивали утверждавшуюся культуру модерна – мистицизм и пессимизм символистов, экзотизм акмеистов, эпатаж и всеотрицание футуристов («Аполлон», 1909, «История одной картины», 1910, «Крыса на подносе», 1912).

Одним из главных персонажей для «Сатирикона» был интеллигент, совершивший «эволюцию» от политики к быту – «гражданин-мещанин». На страницах журнала печатались произведения, отражавшие всю минорную гамму переживаний интеллигента, разочаровавшегося в революционных идеалах. К слову, само слово «интеллигент» родилось в редакции.

Шаржированные портреты русского «гражданина-мещанина» помещали в «Сатириконе» А. Радаков и Н. Ремизов, меткими откликами на только что вышедший сборник «Вехи» наполнены последние номера журнала за 1909 г. Блестящей отповедью

⁸ Зозуля Е.Д. Сатириконцы/ Е.Д.Зозуля// РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.-2005.-№ 2.-С.175-202

«веховцам» является одноименный рассказ А. Аверченко, в котором фальшивые лозунги кадетских авторов прямо уравниваются с призывами черносотенных погромщиков.

Называя себя идейно-художественным сатирическим журналом, «Сатирикон» по праву может считаться также политическим изданием. Содержание его подвергалось цензуре, и часто номера выходили с белыми пятнами вместо запрещенных фельетонов или рисунков. Аверченко потом вспоминал, как «...бывало, выругаешь генерал-губернатора или министра – штраф...нарисуешь карикатуру... – с цензурой целый день приходится торговаться, пока пропустят...» («Две власти: золотопогонники и рабочее-крестьянская», 1919).

Впоследствии один из ведущих сотрудников П. Потемкин утверждал, что «Сатирикон» «создал направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху».⁹

Если определять главенствующее литературное направление, к которому тяготели авторы «Сатирикона», разные по своей индивидуальной манере, то можно сказать, что это был критический реализм, новый подъем которого отчетливо наметился в русской литературе 1910-х годов. Он подвел итог всеобъемлющей критике, прозвучавшей в сатирических изданиях 1905-1907 годов. Появление журнала означало переоценку ранее неоспоримых ценностей. В журнале с самого начала исключалась всякая традиционность и, несмотря на то, что его «матушкой» была старая «Стрекоза», ребенок не имел с ней ничего общего. Это было европеизированное дитя.¹⁰

В определенном смысле «Сатирикон» – уникальное издание. По замыслу авторов, он должен был соединить в себе олимпийскую мудрость, добродушный юмор и здравый смысл с сатирой на нравы. Как декларировал манифест редакции, опубликованный в первом номере «...безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни...Смех, ужасный ядовитый смех, подобный жалам скорпионов, будет нашим оружием».¹¹

Это была довольно сложная задача в тот исторический момент, когда существовала разветвленная система «принудительного молчания», и вместе с тем это – новое слово в русской сатирической литературе. Помимо этого издание было великолепно иллюстрировано.

Объективности ради необходимо заметить, что к 1912 году в идейной программе журнала обнаружился серьезный изъян. Не обладая широтой социального видения,

⁹ Николаев Д. Д. Аверченко. // Литература Русского зарубежья. 1920-1940. - М., ИМЛИ - Наследие - 1999., - С. 117-157

¹⁰ Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х гг. Московский университет. – 1991 – С. 95

¹¹ "Сатирикон", 1908, № 1, стр. 2

«сатириконцы» предпочли «краснощекий смех» злой политической сатире. Своеобразие новеллистики Аркадия Аверченко в этот период мы рассматриваем ниже.

В целом же весь петербургский период жизни Аркадия Аверченко может быть признан наиболее плодотворным в творчестве писателя, а его «Сатирикон», вне сомнения, является национальным феноменом, которому в настоящее время посвящаются научные труды. В 1920-е годы его рубрики позаимствовали многие советские издания, а у художников-сатириконцев в дальнейшем учились классики советской карикатуры.

«НОВЫЙ САТИРИКОН»

В результате конфликта (по наиболее распространенной версии, из-за финансовых разногласий) между издателем «Сатирикона» М.Корнфельдом и группой сотрудников журнала, среди которых был и Аверченко, сатирик вышел из состава редакции и совместно с другими бывшими сотрудниками основал и встал во главе журнала «Новый Сатирикон». Первый номер увидел свет 6 июня 1913 года.

Аверченко и его единомышленники повели дела «Нового Сатирикона» в том же духе и направлении, как и предыдущий журнал. Автором большей части материалов также был Аверченко. В обоих журналах к моменту закрытия «Нового Сатирикона» им было напечатано свыше 650 рассказов, фельетонов, юморесок и театральных рецензий.

Новый журнал быстро завоевал признание публики и «в течение трех месяцев достиг того же тиража, который имел при нас прежний «Сатирикон».¹²

С началом первой мировой войны коллектив «Нового Сатирикона» во главе с редактором занял активную патриотическую позицию. В редакционной статье одного из номеров сообщалось: «мы считаем своей необходимой задачей, своей обязанностью внести свою хотя бы крошечную долю, увеличивающую всеобщее воодушевление, внести хотя бы каплю в ту огромную волну патриотизма, в стихийный девятый вал, который мощно подымет на своем сверкающем гребне всех нас...».¹³ Страницы журнала запестрели фельетонами и карикатурами на внешнего врага.

Аркадий Аверченко по собственной инициативе едет на фронт в качестве военного корреспондента. Он пишет о зверствах германцев, о нуждах простого солдата, о процветании взяточников-интендантов, о развале в тылу («Специалист по военному делу. Из жизни малой прессы», 1915, «Страшный мальчик», 1914 и др.). Писатель едет

¹² Аверченко А. Т. Мы за пять лет. 1913

¹³ Сатирикон", 1914, № 31, стр. 2

на гастроли в Пятигорск, читает в санаториях-госпиталях свои рассказы офицерам и нижним чинам.

Здесь необходимо заметить, что в целом ни Аверченко, ни возглавляемый им «Новый Сатирикон» не имели определенной социально-политической программы, сатирик, как выразился о нем М.Корнфельд, не был «политическим человеком». Как отмечал петербургский публицист М. Г. Ганфман, «если Аверченко касался общественных явлений, то мы всегда знали, на чьей стороне его симпатии. Мы знали, что он высмеивал и вскрывал пошлость того, что вызывало негодование и недовольство лучшей части русского общества... «Сатириконцев» больше всего боялись в темных мрачных закоулках реакции».

Насколько известно, и сам Аверченко никогда не хотел слыть политическим сатириком. Но он «имел мужество прославить этот смех, поставить его целью, а не средством, открыто служить его свободной и независимой стихии».¹⁴

Новые военные реалии вызывали новые темы в творчестве. Так, в «Новом Сатириконе» занял прочное место сюжет о «сухом законе» (сборник «Осиновый кол на могилу зеленого змия», 1915). Кризис, призрак голода, надвигающийся на столицу, заметное ухудшение привычной жизни, дороговизна нашли отражение в бытовой тематике военного времени («Деликатные люди», (1917) «Одесситы в Петрограде», (1917) «Биржевики на прогулке», (1917) «Человек, каких теперь много», (1917) и ряд других). В рассказе «Уют пропал» (1917) изображено тоскливое существование компании столичных жителей, коротающих вечер за стаканом плохого чая при тусклом свете электричества в нетопленной квартире.

К 1917 году в журнале стали нарастать ноты пессимизма и апокалиптические настроения. Писатель начинает хандрить, его популярность и спрос на «Новый Сатирикон» заметно снижаются. Февральскую революцию он, по собственному утверждению, встретил радостно, под текстом Манифеста Государя об отречении, опубликованном в журнале, было напечатано: *«Прочел с удовольствием. Аркадий Аверченко».*

Но Октябрьский переворот с конфискацией солидного банковского счета, с «уплотнением» его квартиры, с голодом и холодом он воспринял как личную драму. Вместо ожидавшегося царства свободы и идеального правопорядка в России наступило состояние, так поразившее И.Бунина: «В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы – и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны – величайшая на земле страна».

¹⁴ Пётр Пильский «Сегодня» (Рига, Латвия). 1925. № 60 (16 марта)

«Новый Сатирикон» занял по отношению к советской власти резко отрицательную позицию. В фельетоне «Мое самоопределение» (1917) автор выражает недоумение в том, что его прежние представления о всеобщем равенстве как-то не совпадают с понятием об этом состоянии у народных масс, которые его, либерального и свобододолюбивого писателя, причисляют к какой-то особой категории «буржуев». С фельетона «За гробом матери» (1917), по мнению литературоведов, начинается «новый Аверченко»: *«Мы не можем смеяться, — пишет он от имени сатириконцев. — Мы могли бы плавать в смехе, в этом чудовищном бурлящем океане смеха, а мы, беспомощные, лежим на берегу этого океана на песке и только судорожно открываем рот»*. С этого момента сатира на страницах «Нового Сатирикона» окончательно вытесняет юмор.

С 1917 года Аркадий Аверченко обращался почти исключительно к реалиям революционного быта и осмыслению Гражданской войны. Многие газетные публикации этих лет писатель переиздавал сам, объединив их в сборники «Дюжина ножей в спину революции» (1920), «Нечистая сила» (1920), «Записки Простодушного» (1921), «Кипящий котел» (1922), «Двенадцать портретов (в формате «будуар»))» (1923), «Записки циника» (1925) и другие.

На страницах своих журналов «Новый Сатирикон» и «Барабан», служивших трибуной в 1917-1918 годах, А.Аверченко боролся, расстреливая Советы всеми видами сатирических стрел — высмеивал тактику ведения войны «по принципам газеты «Правда» и по разумению тов. Зиновьева», тактику, при которой приказ о наступлении обсуждается в полковом комитете так долго, что необходимость самого наступления отпадает («История одного наступления», 1917); пародировал «недержание слов» на митингах («Глас вопиющего с трибуны», 1917); обрушивался на практику экспроприаций («Вежливость», 1918).

В фельетоне «Болотные туманы» (1918) он с ужасом писал о стихийных казнях офицеров в Севастополе в декабре 1917 года: *«Но...из грязного вонючего переулка, вихляя задом, выполз шакал, шепнул вам два страшных по своей простоте и доступности словечка — и вот уже полетели на Малаховом кургане головы ваших благородных офицеров, и носите вы по притихшим от ужаса славным севастопольским улицам эти головы, вонзив их на обгаренные святой кровью штыки...»*.

В журналах «Новый Сатирикон» и «Барабан» были опубликованы самые острые произведения Аверченко того времени.

Оба журнала были запрещены большевиками. Формальным поводом к закрытию «Барабана» в феврале 1918 года послужила собственная карикатура Аркадия Тимофеевича на Брест-Литовский мирный договор и рисунок Алексея Радакова, на котором Ленин с Троцким подставляли ладони для золота Вильгельма II.

Скорбя о кончине журнала, писатель создал фельетон «Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует – Аркадий Аверченко» (1918), в котором он обвинял Ленина в том, что тот *«не смеется. И ему самому скучно жить, и тем, кто около него, тоже скучно живет»*. Этот упрек станет одной из основных тенденций творчества сатирика в ближайшие годы, наряду со стремлением найти смешные черты в образах новых вождей.

Его Ленин и Троцкий предстают неизменно трикстерными персонажами, иными словами, героями авантюрно-плутовского толка, этакие гоголевские хлестаковы, пара прохвостов, герои анекдотов или комиксов, на которых писатель смотрел иронично, а значит – свысока. Окарикатуривание этих фигур царило и на страницах еще сопротивлявшегося «Нового Сатирикона». В № 3 за 1918 год появилась картинка работы Казимира Груса, художника-карикатуриста, сотрудничавшего с журналом. Ленин и Троцкий стоят, обнявшись на Дворцовой площади Петербурга, усыпанной трупами с сидящими на них воронами. Под изображением стояла подпись: «Венецианская идиллия на Дворцовой площади. У нас в Петрограде желающие могут кормить птичек, совсем как на площади Св.Марка в Венеции». Сам Аверченко считал эту карикатуру «для большевиков нестерпимой» и утверждал, что «Новый Сатирикон» погиб именно из-за нее. Журнал был закрыт в июле (по другим данным – в июне) 1918 года.

Писатель выпустил еще один, августовский номер, однако на нем история знаменитого российского сатирико-юмористического еженедельника завершилась.

СВОЕОБРАЗИЕ НОВЕЛЛИСТИКИ А.АВЕРЧЕНКО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1900-1917 гг.)

С 1910 года Аркадий Аверченко издает ежегодно два-три новых сборника рассказов, в театрах ставятся его пьесы и скетчи, в обеих столицах и в больших провинциальных городах гремят фельетоны.

«Аверченко сразу нашёл самого себя: своё русло, свой тон, свою марку. Читатели же – чуткая середина – необыкновенно быстро открыли его и сразу из уст в уста сделали ему большое и хорошее имя».¹⁵

В этот период Аверченко почти не писал «серьезных» произведений. Основу его богатейшего литературного наследия составляет комическая проза – рассказы и фельетоны, а также пьесы.

До 1918 года вышло 40 сборников рассказов Аркадия Аверченко («Рассказы (юмористические). Книга первая», «Зайчики на стене. Рассказы (юмористические).

¹⁵ Куприн А. А.Аверченко и «Сатирикон»/А.И.Куприн об искусстве и литературе. – Минск, 1969

Книга вторая», «Веселые устрицы» – 1910; «Рассказы (юмористические). Книга третья», 1911; «Круги по воде», «Рассказы для выздоравливающих» – 1912; «О хороших, в сущности, людях», «Сорные травы» – 1914; «О маленьких – для больших. Рассказы о детях», «Черным по белому», «Чудеса в решетке», «Волчьи ямы» – 1915; «Синее с золотом», «Караси и щуки. Рассказы последнего дня», повесть «Подходцев и двое других» – 1917 и многие другие).

Здесь важно сказать об удивительном видении Аверченко-писателя, позволявшем ему мгновенно схватывать комическую коллизию, трансформировать ее в зрительный – в известной степени окарикатуренный образ – и затем добавлять к готовой «картинке» острохарактерный диалог.

В исследовании Л.А.Спиридоновой (Евстигнеевой) указывается на оригинальные черты творческого метода русского «короля смеха»: отказ от политических тем, отсутствие характерного для русской литературы «смеха сквозь слезы», преобладание гиперболизации, буффонады, фантастики над иными приемами создания комического эффекта.¹⁶ Известно, что в русской литературе начала XX столетия рассказ был одним из самых распространенных жанров, а поиски новых возможностей этого жанра являлись характерной чертой литературного процесса рубежа-начала века. В этом аспекте творчество А.Т.Аверченко не является исключением. Оно разнообразно в жанровом отношении, что вызывает определенную сложность при классификации произведений писателя.

«Многоликость» автора была отмечена еще современниками писателя (В. Кранихвельд). А.Аверченко щедро использовал богатства стилистических ресурсов русского языка в различных типах повествования. Для его творчества характерно обращение к форме повествования от 1-го лица и от лица «всеведущего автора», которые открывают перед юмористом широкие возможности для иронического осмеяния персонажей и высвечивания неприглядных сторон современной жизни, что создает впечатление убедительности, веры в то, о чем он говорит.

Как уже упоминалось, большинство ранних произведений Аверченко держится на эксцентрически веселом сюжете, на комизме поз и карикатурности положений. Аверченко нагромождает одно событие на другое, веселые ситуации без конца сменяют друг друга. Ему мало улыбки читателя. Он должен кормить смехом, пока тот не запросит пощады. Аверченко расточителен и не умеет ограничить себя, местами его смех превращается в гомерический хохот.

Аверченко доводит характерные человеческие слабости до абсурда. Его лентяй, к примеру, настолько ленив, что не хочет поднять выпавшую из рук книгу, привести в

¹⁶ Спиридонова Л. А. (Евстигнеева) «Русская сатирическая литература начала XX века»/М., 1977

порядок костюм, даже покончить с собой ему лень. Когда он нечаянно ложится на свежую газету, то начинает обрывать ее по краям и вытягивать из-под себя, чтобы прочесть («Рассказы (юмористические). Книга первая, 1910).

В тот период Аверченко встал на защиту «смеха ради смеха», поставил перед собой задачу оздоровить Россию смехом.

Объектом авторской иронии становятся реалии социального быта, а также «частные» человеческие пороки. В центре внимания оказывается городской обыватель – «средний человек», который решает свои сиюминутные проблемы на фоне стремительно меняющегося исторического времени. Таковы, например, «непотопляемый» коммивояжер Цацкин («Рыцарь индустрии», 1914), великодушный «меценат», чиновник Трупакин («Волчья шуба», 1914), беспартийный Иванов («История болезни Иванова», 1910) и другие. Восторг читающей публики вызывали любые «подглядывания» сатирика: за дамами и господами, актерами и актрисами, папенькой с маменькой... Все они, по мысли автора, «веселые устрицы», живущие в своем маленьком хрупком мире – раковине, скрываясь в ней от жизненных бурь.

В прозе А. Аверченко мы находим и «вечные» темы – взаимоотношения мужчины и женщины («День человеческий», 1911, «Жена», 1911), «Мужчины», 1911); отношения поколений («Отец», 1911, «Старческое», 1915); детство («О маленьких – для больших. Рассказы о детях», 1916, «Дети. Сборник рассказов с приложением «Руководство к рождению», 1922) и др.

Однако мы замечаем у писателя появившееся также внутреннее драматическое ощущение бесперспективности смеха, жизнерадостной шутки как главного принципа, пафоса творчества, что изменит проблематику и тональность его произведений после революции (глава 2).

Кажется, лишь дети вызывают в нем светлые, радостные чувства. Читатели высоко ценили его «детские» произведения, отличающиеся необычайной искренностью, наивностью и пониманием детской души.

Аверченко принадлежат яркие высказывания о детях: *«...из всех человек милей всего моему сердцу дети»; «Моя была бы воля, я бы только детей и признавал за людей...»; «Все мои рассказы могут читать и дети».*¹⁷ К слову сказать, вся проза Аверченко деликатна.

Дети для писателя – воплощение чистоты, искренности, собственного достоинства и здравого смысла. Он сочинял «о маленьких», заставляя взрослых задумываться, во что они превратили свое существование.

¹⁷ Аверченко А. Избранные рассказы. – М., 1985. – С. 319

Сборник Аверченко «О маленьких – для больших» (1915) – одна из лучших дореволюционных книг писателя. Здесь голос его окрашен доброй, возвышенно-романтической интонацией, за которой почти не слышна ирония.

Его маленькие герои – это шалуны, обманщики, «деловые люди». Мальчишки из рассказов «Грабитель», «Странный мальчик», «Продувной мальчишка» живут в своем мире детства, в своей жизни, которая абсолютно не похожа на жизнь взрослых. В детском мире нет главного врага писателя – пошлости. И Аверченко очень грустно при мысли, что три мальчишки, крепко дружившие в школе (*«Фундаментом нашей дружбы — Мотька, Шаша и я — послужили все три обстоятельства: мы жили на одной улице, родители наши были «знакомы домами»; и все трое вкусили горькие корни учения в начальной школе Марьи Антоновны, сидя рядом на длинной скамейке, как желуди на одной дубовой ветке»*)¹⁸ – потом превращаются в далеких друг от друга совершенно чужих людей. Автор советует детям не терять добрых чувств и намерений по дороге во взрослую жизнь, забирать с собой из детства все лучшее, что встретилось им на пути. И это уже не просто легкая усмешка, юмор, а философия жизни.

¹⁸ Аверченко А. Избранные рассказы. – М., 1985

Глава 2

РЕВОЛЮЦИЯ – «ЧЕРТОВО КОЛЕСО»

Петроградский период закончился для Аркадия Аверченко в сентябре 1918 года. Работая на бегу, «на краешке стола», он задержался лишь ненадолго (с ноября 1918 по январь 1919 года) на Дону, сотрудничая с газетой «Приазовский край».

В трагикомических тонах он рисовал пережитый в Петрограде и Москве голод («Мои ночи», 1918), методы большевистского террора («Лицом к лицу», 1918, «Борьба с бациллами», 1918), начал задумываться о том, что каждый месяц жизни, точнее, выживания, в Советской России должен приравняться к году. Об этом – блестящий и страшный скетч «Записки годовалого ребенка» (1918), который по праву может войти в золотую коллекцию *humour noir* XX столетия: *«Вчера на именины получил игрушки: деревянного контрреволюционера на виселице, две игрушечных ручных бомбы и книжку «Жизнеописание первого социалиста Стеньки Разина», издание Пролеткульта...»*.

Последним журналистским коллективом Аркадия Аверченко перед эмиграцией (с февраля 1919 по ноябрь 1920 года) стала редакция газеты «Юг» (позднее – «Юг России») в городе его детства Севастополе. Это издание называли «газетой Аверченко». Он давал материал едва ли не ежедневно, вел рубрику «Маленький фельетон» и раздел «Без заглавия», построенный по образцу «Волчьих ягод» в «Сатириконе». Писатель делал всё возможное для борьбы с большевизмом и поддержания бодрого духа у населения Крыма и армии.

Его читатель вновь встретился на страницах газеты с плутовской парочкой Ленин-Троцкий («Семейная радость», «Дружки» – 1920), к которой примкнул «Наркомпролеткульт А.В.Луначарский», наводнивший страну своими пьесами («Светлый праздник в Москве», 1919). Аверченко с гневом вспоминал обстоятельства закрытия «Нового Сатирикона» и собственного бегства из Петрограда («Безглазое, безротое лицо», 1920), скорбел о пришествии Хама («Натюр морт», 1920). Однако большинство его севастопольских публикаций рассказывали о жизни беженцев, о той «не героической» и не пафосной стороне любого катаклизма, которая обычно остается за кадром официальных хроник. Ни один нюанс не ускользал от его внимания – отсутствие света и воды («Наши сутки», «В безводной пустыне» – 1920), бесквартирье («Подарок молодым хозяйкам или, Как найти себе комнату», «Загадочный незнакомец» – 1920), тотальный дефицит («Мелочи», 1920), инфляция («Финансовая проблема», «Финансовые парадоксы» – 1920), спекуляция («Сахарные мошенники», 1920). С негодованием Аверченко обрушивался и на тех, кто сеял панические слухи и, не выдержав лишения, поглядывал в

сторону константинопольского берега («Пятьдесят тысяч», 1919, «Где Иван Николаич?», «Эскимосы» – 1920). В рассказе "Кольцо в ноздре" (1920) писатель отразил «врангелевское сидение» в Крыму, в котором себе так и представлял, что они там живут как дикари, с кольцом в ноздре – подбирают булавки, меняют один шнурок на другой, у кого по размеру подойдет.

Аверченко также активно участвовал в концертной и театральной жизни города. Он открыл театр-кабаре «Гнездо перелетных птиц», выступал там как актер и конферансье, давал сольные концерты в городах Крыма.

В памфлетах и рассказах, написанных в Крыму, Аверченко обращается к белому воинству с призывом приблизить «час ликвидации и расчета» с большевиками.

В конце октября 1920 Красная Армия заняла Крым, и Аркадий Аверченко в угольном трюме старого парохода навсегда покинул родину.

Позже в известном политическом фельетоне «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко» (1921) он так описал свои злоключения: *«Ты тогда же приказал Урицкому закрыть мой журнал, а меня доставить на Гороховую. Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки уехал из Петрограда, даже не простившись с тобой. Захлопотался... Я на тебя не сержусь, хотя ты гонял меня по всей стране, как серого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова в Ростов, потом Екатеринослав, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять Севастополь. Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам».*

Свое отношение к покинутой революционной родине Аверченко выразил в сборнике с красноречивым названием «Дюжина ножей в спину революции» (1920):

«Не будем обманывать и себя, и других, революция уже кончилась, и кончилась она давно! Начало ее – это светлое, очищающее пламя, середина – зловонный дым и копоть, конец – холодные обгорелые головешки. А разве мы сейчас не бродим среди давно потухших головешек, – без крова и пищи, с глухой досадой и пустотой в душе?...».

Сам отъезд за рубеж Аверченко описал с горьким юмором и затаенной скорбью в «Записках Простодушного» (1921), книге, которая год спустя после выхода в свет была «пиратским» образом издана в советской России. Приведем фразы, подчеркивающие общую тональность сборника: *«Ехать так ехать,— добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки»; «отныне я тоже решил «улыбаться на похоронах»...».*

С момента прибытия в Константинополь 15 ноября 1920 года для писателя начался период эмиграции.

ПРОБЛЕМАТИКА И ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ПОСЛЕРЕВОЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (1917-1921 гг.)

Тот факт, что Аркадий Аверченко первым из сатириков 20-х годов XX столетия обратился к теме авантюрного перерождения русского характера под воздействием историко-политического катаклизма, вполне закономерен. К 1917 году он был уже сформировавшимся писателем с присущей ему одному манерой комического повествования, совершенно четкой антибольшевистской гражданской позицией и собственным мировосприятием. Все происходящее в стране Аверченко неизменно оценивал как гигантскую, карнавальную-сатанинскую, пьяную авантюру, за которую обязательно придется расплачиваться.

Утверждая, что жизнь на родине стала напоминать «бред тифозного», Аверченко оставил свой критический комментарий к уродствам советской аббревиации и переименований, абсурдным декретам и «новой» морали, гиперинфляции и революционному искусству.

В целях художественного осмысления реалий новой действительности Аверченко, скорее всего даже не осознавая этого, обратился к жанру пикарески – «продукту» любой переходной эпохи («пикареска», от исп. *genero picaresco* – плутовская повесть и плутовской роман – и подразумевает «прозаический жанр сатирической беллетристики, изображающий в реалистической, часто юмористической форме приключения плутовского героя-выходца из социальных низов, выживающего благодаря собственному остроумию в жестоком обществе» (А. Паркер). Как известно, жизненным аналогом этого древнего жанра являются пореволюционные состояния общества, сопровождающиеся распадом сложившихся социальных иерархий, ломкой всех систем духовным и физическим «бродяжничеством» масс.

Все эти явления писатель мог наблюдать в Севастополе 1919-1920 годов, а затем в Константинополе. Создавая трагикомическое летописание жизни «белой эмиграции» в «Записках Простодушного» (1921), одного из самых цельных сборников в своем творчестве, Аверченко обратился к изображению биографического перелома, случившегося в судьбе русского человека после 1917 года и превратившего его в авантюриста. Писатель показал, как беженцы, странствуя в поисках крова, пищи, средств к существованию, вынуждены вступать во взаимодействие с криминальным миром, неизбежно становясь мошенниками. Жизненное кредо героев плутовских рассказов писателя – «Какая там честь, когда нечего есть!». Подобная нравственно-философская проблематика абсолютно традиционна для жанра пикарески.

Заслуга Аверченко состоит в том, что он выделил и художественно осмыслил конкретно-исторические плутовские типы «героя-спекулянта», «бывшего» и «русского эмигранта», порожденные революционной эпохой.

В рассказе «Торговый дом «Петя Козырьков»» (1919) сатирик изложил типичную историю «воцарения» спекулянта эпохи крымского «врангелевского сидения». Герой, «ушибленный жизнью молодой человек», устав выслушивать упреки от квартирной хозяйки, идет на сделку со своей совестью и принимает решение заняться «коммерцией». Предварительно просчитав и оценив темпы инфляции, он закупает в кафе пятьсот коробок сгущенного молока, приносит их домой, ставит под кровать, выжидает месяц и продает эти коробки в три раза дороже...затем покупает спички, кладет под кровать, ложится сверху и снова ждет...вскоре Петя смог разбогатеть настолько, чтобы открыть торговый дом. В традициях плутовского жанра Аверченко не только не осуждает своего героя, но и подчеркивает практическую ценность рассказа об этой *«операции, которую любой из читателей может проделать в любой день недели и которая ... несет благосостояние на всю остальную жизнь...»*.

У Аверченко в «константинопольских» рассказах впервые появляются типы «бывшего» (экс-представители дворянства и интеллигенции) и «русского эмигранта», впоследствии широко представленные в сатирической литературе 1920-х годов. Эти типы взаимосвязаны, ибо каждый эмигрант автоматически являлся «бывшим».

Бывшая петербургская драматическая актриса, а ныне горничная, в совершенстве изучившая язык «дна»; бывший боевой генерал, работающий теперь в Константинополе швейцаром; бывший барон, продающий на Пере «тещины языки», – таковы герои «константинополиады» Аверченко. Но есть и более яркие персонажи, каждый из которых вполне мог бы стать центральным в крупном плутовском произведении: это те, кого писатель изобразил в рассказах «Константинопольский зверинец» и «Второе посещение зверинца» (сборник «Записки Простодушного», 1921). Рассказы имеют сквозной сюжет: Аверченко, сидя в «препошлейшем ресторане» Константинополя, созерцает «паноптикум» мошенников, карточных шулеров и авантюристов и слушает рассказ приятеля об их прошлом. Есть в этом «константинопольском зверинце» «импресарио Шаляпина», который организовывал концерты певца, но ему *«всегда не хватало одной маленькой подробности: самого Шаляпина»*. Есть бывший русский солдат, которому удалось в годы войны, переодевшись в австрийскую форму, сдать в русский плен и ни дня не воевать. Наконец, есть бандит «с каменным, искусно высеченным лицом», который отслеживает на улицах влюбленные пары, отзывает в сторонку мужчину и шепчет ему на ухо: «Лиру или в морду!». Чтобы не опозориться на глазах любимой девушки, любой готов отдать ему последние деньги. Все они уже не опасны, *«иногда даже можно просунуть руку сквозь прутья клетки и пощекотать их за ухом»*, но все

равно, несмотря на остроумие придуманных комбинаций, от встречи с ними остается неприятное чувство.

Аркадий Аверченко, которому удалось избежать печальной участи многих своих соотечественников (он ни дня не голодал и не нуждался), с болью признавал: *«Выковали из нас, – благодущных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие»* («Записки Простодушного, 1921). Путь авантюризма и мошенничества оказался для многих из них единственно возможным. В предисловии к рассказу «О гробах, тараканах и пустых внутри бобах» (1921) писатель приводит дореволюционный анекдот: еврей просит у царя право жительства, а царь отказывает под предлогом, что еврей не ремесленник. Не растерявшись, еврей говорит:

– *Ну, так я ремесленник.*

– *Какой же ты ремесленник? Что ты умеешь делать?*

– *Укус умею делать.*

– *Подумаешь, какое ремесло, – усмехнулся скептически государь, – это и я умею делать укус.*

– *И вы умеете? Ну, так вы тоже будете иметь право жительства!»*

Сравнивая русских беженцев с героем этого анекдота, Аверченко замечает, что человек, который «умеет делать укус», не пропадет в Константинополе и приводит истории выживания трех своих петербургских знакомых. Один из них, бывший журналист, нанялся к гадалке в оккультный кабинет лежать в гробу и отвечать на «идиотские вопросы клиентов». Другой – бывший поэт – «ходит в женщине», то есть носит на себе чучело картонной бабы с рекламой элитного ресторана. Третью знакомую «кормит» зеленый таракан, ибо она служит «на записи в тараканий тотализатор».

Финал рассказа проникнут горечью автора: *«Отошел я от них и подумал:*

– Ой, крепок еще русский человек, ежели ни гроб его не берет, ни карнавальное чучело не пугает, ежели простой таракан его кормит...».

Таким образом, именно Аркадий Аверченко, который свыше десятилетия «задавал тон» всей российской сатирико-юмористической литературе, положил начало художественной разработке проблемы авантюризма, первым обратился к традиционной проблематике плутовской прозы, выделил новые конкретно-исторические плутовские типы. После него к этому жанру обращались М. Булгаков, Вс. Иванов, А. Толстой, И. Эренбург, Арк. Бухов, И. Ильф и Е. Петров, М. Булгаков и авторы новейших романов о приключениях «русских в Европах» конца 1990-х годов.

В Константинополе-Стамбуле писатель провел полтора года, воскресив свой театр-кабаре «Гнездо» и давая спектакли для русских беженцев.

Рубеж 1921-1922 годов стал для русской эмиграции временем испытания на прочность: большевики активно предлагали уехавшим вернуться. Своего рода

приглашение получил и Аверченко в 1921 году от вождя пролетариата в его рецензии на свою книгу «Дюжина ножей в спину революции. 12 новых рассказов» со знаменитой фразой «Талант надо поощрять». В.И. Ленин, поддерживая публикацию этой книжки в России, сказал, что «так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов».¹⁹

Аверченко понимал политическую подоплеку этого шага: он, «озлобленный почти до умопомрачения белогвардеец» (Ленин), вернется домой и поставит свой талант на службу новой революционной сатире! Писателя ленинская рецензия обеспокоила: «... что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начнет меня хвалить?... Ох, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов...» («Pro domo sua», 1921).

Последние вышедшие в Константинополе авторские «Волчьи ягоды» (1922), оперативно реагируя на новости – газетные и «сарафанного радио» из России – комментировали обещание большевиков отдать вернувшимся на родину их имущество: «Была у меня моя собственная мебель. Вор Ленин и громада Троцкий украли ее, а теперь одумались: мы тебе вернем мебель, только докажи нам, что она твоя, покажи фотографию с мебели... Да что моя мебель – любимая женщина, что ли, что я должен ее фотографию хранить?! Вы бы лучше не воровали чужого».

В 1922 году Аверченко после гастролей по городам и странам Европы вместе с труппой перебирается в Прагу, где и обосновывается на постоянное место жительства.

¹⁹ Ленин В. И.. Полное собрание сочинений. Издание пятое. т. 44 М., Издательство политической литературы, 1970

Глава 3

ЧЕХИЯ – ВТОРАЯ РОДИНА ПИСАТЕЛЯ

Пражский период является одним из самых интересных в жизни Аркадия Аверченко. Хотя, как признают исследователи его творчества, в нем еще есть невыясненные факты биографии и литературного наследия писателя.

А.Аверченко прибыл на Главный вокзал Праги 17 июня 1922 года, и на это событие уже на следующий день отозвалась чешская пресса: «...приехал знаменитый писатель-юморист Аркадий Аверченко... Его выступления в Софии, Белграде и Загребе сопровождались огромным успехом. Можно надеяться, что и Прага, чешская и словацкая публика примут с большой радостью этого исключительного юмориста» («*Národní politika*», 1922). Тогда же в интервью, опубликованном в «*Národní listy*» со ссылкой на агентство «Русспресс», писатель на вопрос, что ему больше всего понравилось в Праге, ответил: «Я влюблен в нее... Здесь на всем отдыхает взгляд – но среди прочего меня порадовало, как хорошо Прага закопчена. Думаю, что не одна дюжина городов многое бы отдали за то, чтобы могли так прокоптиться и приобрести благородный налет старины. Некоторые прожженные антиквары нарочно покрывают не имеющие ценности медяки ржавчиной и патиной, но Прага – прекрасная золотая монета, подчеркнутая прошлым, и это – настоящая красота».

Чешские СМИ внимательно следили за событиями жизни Аркадия Аверченко, начиная с получения им визы в Чехословакию, – сообщения о его передвижениях регулярно появлялись в крупных газетах, таких, как «*Lidové noviny*», «*Čas*», «*Tribuna*», «*Národní listy*». Чешская публика хорошо знала и любила русского «короля смеха», считая достоинствами его юмора легкость и понятность европейцу. «Юморист, чьи юморески еще много лет назад поразили нас как особенное исключение среди русских книг, к которым мы привыкли, – писала «*České slovo*». – Чехов тоже был юмористом, но его юмор был юмором боли и грусти, отвоеванной улыбкой над жестокостью, глупостью и тщетой существования. У Аверченко юмор был, конечно, более поверхностным, легкомысленным и светским, однако он стремился в мир с буйной и смелой силой, осмеливавшейся противостоять всему плохому и низкому. Это уже была Россия вполне европейская, увиденная европейскими глазами без стекол русской литературной традиции. Аверченко уже не производил впечатления русского, а скорее француза или немца, сознательно и намеренно пикантного, иронически скептического, ищущего опасные щекотливые ситуации...» (1925).

Имя Аверченко чешская публика узнала едва ли не вместе с российской: первый сборник его рассказов в чешском переводе в издательстве Станислава Минаржика вышел в 1910 году одновременно с первым петербургским сборником. В 1914 году была выпущена книга рассказов «Забавные персонажи и истории», которую проиллюстрировал знаменитый в Праге Йосеф Вениг, классик книжной иллюстрации и театральный художник. В 1918 году в издательстве «Ванек и Вотава» вышла «Экспедиция сатириконцев в Западную Европу». Как сообщала газета «Moravskoslezský deník» после прибытия писателя в Чехию, «Аркадий Аверченко в колонках чешских газет и книжных изданиях уже давно известный и дорогой гость. Он обжился у нас за несколько лет до того, как был по политическим причинам изгнан из советского рая и приговорен к горькой судьбе беженца» (1922).

Чехия, ставшая для Аркадия Аверченко последним домом, подарила ему несколько лет относительно цивилизованной жизни, по которой он так тосковал все годы изгнания. Постоянным адресом писателя на все три года жизни в Праге стал отель «Zlata Husa» («Золотая гусыня», ее Аверченко в шутку называл «Золотым гусем» и «Золотым поросем») в центре города. Это был довольно дорогой отель, и на выручку от выступлений там жила вся труппа театра «Гнездо перелетных птиц».

Почему писатель выбрал местом жительства именно Прагу? Есть, по меньшей мере, две предполагаемые причины.

Первая, историческая. После первой мировой войны вместе с Российской империей исчезла с карты мира Австро-Венгерская монархия. На ее месте образовалось несколько суверенных государств, в том числе Чехословацкая республика. В 20-е годы XX века взаимоотношения между русским и чешским народами были братские: в моде было всё общеславянское, художник Альфонс Муха создавал «Славянскую эпопею», в пражском Национальном театре одна за другой ставились оперы по фольклорным сюжетам, культурные контакты были очень интенсивными на всех уровнях. Этим объясняется высокий интерес к русской литературе и, в частности, к русской юмористической прозе, ярким представителем которой был в те годы Аркадий Аверченко.

Помимо этого Чехословацкая Республика была вполне благополучной в экономическом отношении. Президент Томаш Масарик хорошо относился к русским беженцам, поэтому их диаспора в стране считалась одной из самых благоустроенных.

Вторая причина. Писатель хотел ощущать себя в безопасности и подчеркнул этот момент в «Автобиографии», подготовленной для собрания сочинений (1923): *«Я... разыскав на карте Чехословакию, решил пришвартоваться со своей небольшой лодкой к этой тихой пристани. Сижу теперь и рассуждаю: достанут меня или не достанут? Думаю, нет. Не выдайте, братья!»*

Кроме того, у Аверченко в Праге были знакомые – местные издатели Отто и Вилимек, выпускавшие его книги в 1912 и 1914 годах, а также переводчики рассказов на чешский язык Винценс Червинка и Владимир Веверка, которые, вероятно, и подготовили общественное мнение к приезду русского «короля смеха». Его преданным другом в Праге стал журналист Константин Бельговский, сотрудник агентства «Русспресс», а литературным агентом чех Венцеслав Швиговский, который владел русским языком на уровне родного и тем самым оказывал писателю неоценимую помощь (к моменту прибытия в Чехословакию тот говорил только по-русски). Ему Аверченко официально передал заботу по охране своих авторских прав.

Здесь сатирик постепенно отошел от политической борьбы, что совершенно объяснимо. В стране, незнакомой с советскими реалиями, «ножи в спину революции» если и интересовали кого-либо, то, как экзотика и, думается, весьма недолго. В Праге Аверченко вступил в «Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии», он активно сотрудничал с газетами «Prager Presse», в издании пражских немцев (где вел рубрику «Аверченко и мир»), и «Lidové Noviny» (есть предположение, что здесь он мог познакомиться с тогдашним редактором Карелом Чапеком).

В Праге, как некогда в Петербурге, писатель слыл обеспеченным человеком, много писал, много печатался в русских периодических изданиях европейских стран; один за другим выходили сборники его старых и новых рассказов. У Аркадия Тимофеевича был текущий счет в Промышленном банке Праги. Он, единственный из писателей-эмигрантов, отказался от субсидии по Русской акции помощи чехословацкого правительства. Его друг, критик Петр Пильский позднее заметил: «Тогда он уже был очень прилично устроен в Праге».²⁰

«С его приездом мягкий русский смех зазвучал в Праге и увлек, развеселил не только русских, но и чехов, заставил просветлеть хмурые озабоченные лица, забыть все печали в текущей невеселой жизни, отойти в сторону от повседневщины».²¹

Сам Аверченко сообщал о своей жизни: *«Кстати, среди местных чехов имею массу друзей... Они уже на меня смотрят, как на своего, тем более, что я по-чешски стал болтать невероятно нахально. При всех случаях стоят за меня горой. Не встречал я другого подобного народа»*.²²

Подтверждением к этой цитате может стать инцидент, связанный с предотвращением высылки Аверченко из Румынии (причин мы здесь касаться не будем) и

²⁰ Пётр Пильский «Сегодня» (Рига, Латвия). 1925. № 60 (16 марта)

²¹ Левицкий Д.А. Аркадий Аверченко. – М., 1999

²² Левицкий Д.А. Аркадий Аверченко. – М., 1999

с его благополучным возвращением в Прагу благодаря энергичному вмешательству чешских дипломатов.

Казавшийся со стороны снобом и вычурным франтом, с неизменном пенсне, в визитке и галстучке-бабочке, Аверченко в общении был человеком доступным, доброжелательным и очень внимательным. «Он был чудесный человек и прекрасный товарищ, – писала о нем Н.Тэффи. – Личное обаяние его было очень велико. Все его приближенные – у него их всегда была целая свита – очень быстро приобретали его жесты, его тон, его манеру острить...».²³

Вся жизнь писателя в Европе состояла из гастролей и переездов, гостиниц и выступлений. За годы скитаний писатель выпустил множество книг, дал невероятное число концертов и интервью, откликнулся на большие, малые, случайные и характерные политические события, стал бытописателем и хроникером нравов русского изгнанничества. Мы не будем останавливаться на гастрольной части жизни Аверченко. Хотя, очевидно, ему нравилось выступать, он производил очень сильное впечатление на публику, собирал полные залы, сам он жаловался на то, что все-таки хотел бы быть писателем, а не гастролером и артистом.

В 1924 году, уже став «русским Гашеком», Аверченко мог подтвердить титул «русского Твена». Однако по неизвестной причине поездка в США не состоялась.

В его последние годы жизни друзья стали замечать в нем внутреннюю перемену: «Чехи носили его на руках. Много переводили, щедро платили. По всей эмиграции шли пьесы, приносили авторские. Жилось хорошо! Внешне Аверченко оставался прежним. Тот же мягкий юмор, то же любвеобильное отношение к людям, но угадывалась какая-то надтреснутость. Он скорбел по России, замученной, истерзанной, и порой эта скорбь трагически откликалась в его новых рассказах» (Н.Брешко-Брешковский).

Незадолго до смерти А.Аверченко грустно шутил в прессе: *«Какой я теперь русский писатель? Я печатаюсь теперь главным образом по-чешски, по-немецки, по-румынски, по-болгарски, по-сербски, устраиваю вечера, выступаю в собственных пьесах, разъезжаю по Европе, как завзятый гастролер»* (1925).

Аркадий Аверченко умер 12 марта 1925 года. В витринах всех книжных магазинов были выставлены его портреты в траурной рамке и книги, вышедшие в Чехословакии.

Похоронили Аверченко в русской части пражского Ольшанского кладбища, рядом со строившейся тогда православной церковью, в субботу, 14 марта 1925 года.

Кончина писателя вызвала в Праге всеобщее сожаление как в русских, так и в чешских кругах. В некрологе Н.Тэффи писала: «Многие считали Аверченко русским Твеном. Некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не

²³ Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. – М., Молодая гвардия, 2010

Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала – единственного русского юмориста...». Газета «Národní Politika» писала, что «русская литература потеряла крупного писателя-юмориста, выдающегося стилем, изобретательностью и умением захватывать читателя». Газета «Prager Presse» в своей заметке о кончине Аверченко назвала его «самым значительным юмористом России предвоенных лет».

Проститься с Аркадием Аверченко пришли почти все русские писатели, находившиеся в Праге, профессора, студенты, друзья журналисты, официальные лица Чехословацкой республики.

Архив писателя в 1928 году был отправлен в Париж его младшей сестре Ольге, которая хранила его в течение сорока лет.

Скажем также о коллекции русской эмигрантской прессы 1918-1945 годов в фондах пражской Славянской библиотеки. Она была сформирована усилиями сотрудников Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, созданного в рамках Русской акции помощи правительства Чехословакии в феврале 1923 года. На средства МИД ЧСР, частных спонсоров создавался Архив русской эмиграции, приобретались печатные и рукописные материалы по истории русского общественного движения, войны, революции, белого движения и эмиграции. Там же сохранялись полные комплекты упомянутых газет «Юг» и «Юг России», в которых печатался А.Аверченко. В 1945 году чехословацкое правительство передало РЗИА и другие архивы Советскому Союзу. Большинство материалов в настоящее время хранится в Государственном архиве российской Федерации (ГАРФ). В Праге остались только книги и периодические издания, а также внутренний архив РЗИА, случайно обнаруженный в 2007 году.

Спустя пять лет после смерти писателя русско-чешское общество «Мир» окончило сбор средств на установку памятника. В пользу будущего памятника в пражском Муниципальном доме – там же, где в 1922 году состоялся первый в Праге вечер юмора Аверченко, – 27 октября 1930 года был организован большой благотворительный концерт при поддержке мэра и при участии примадонны Чешского Национального театра Габриэлы Горватовой, оперных певцов Эмиля Поллерта и Василия Левицкого. Кампания по сбору средств на будущий памятник вполне отражает мысль Аркадия Аверченко, высказанную им газете «Čas» (1922) о том, что *«чешско-русская дружба не является плодом хитроумных политических и дипломатических комбинаций, а неподдельным единением двух одинаково честных славянских сердец»*.

ТВОРЧЕСТВО А.АВЕРЧЕНКО В ЭМИГРАЦИИ

Неизвестно, кто и когда впервые назвал Аркадия Аверченко «русским Гашеком», но пражане с этим согласились. Русский юморист отблагодарил чешскую публику целым

рядом теплых рассказов. Ему здесь нравилось всё: и то, что местные жители деликатны, нравственны и воспитаны («Чехи», 1923), и то, что они берегут старину («Прага», 1923): *«Недавно я прогуливался в сопровождении своего импресарио по улицам Праги, погруженный в тихое умиление. — О, прекрасная старуха, милая сердцу каждого художника, — думал я, — сколько веков копила ты свои каменные сокровища и как ты ревниво бережешь их, подобно скупому рыцарю...»*. Цикл рассказов «Чехословакия» (1923) пронизан доброжелательно-смешными и точными характеристиками. Сам Аверченко хотел, чтобы обыватели жили, а не боролись. Видя это в Чехословакии, он, очевидно, согрелся душой.

Из многочисленных благодарностей в адрес этой страны, обнаруженных исследователями в чешской прессе, можно сделать вывод о том, что Аверченко, наконец, нашел новую родину и безмерно в нее влюблен (*«Чехия стала моей второй родиной, и я счастлив, что могу породниться со столь симпатичным братским славянским домом»*. Из предисловия к первому тому собрания сочинений, 1923)

Рисуя «развороченный муравейник» эмигрантского быта, он изображает людей, у которых все в прошлом, а впереди — лишь близость неизбежного конца. Сама история кажется ему «циничной пройдохой», которая разыгрывает с людьми какие-то глупые шутки («Исторические нравоучительные рассказы», 1917). Европа раскрывалась перед Аверченко совсем не с той стороны, которая запечатлена в остроумной веселой «Экспедиции в Западную Европу» (1911) или в пародийной «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом»» (1911). Горестные эмигрантские будни приводят к ожесточению, не способствующему поискам «смешного в страшном» (название сборника рассказов, вышедшего в Берлине в 1923 году).

Изображал писатель и курьезы, происходящие с бывшим «русским федеративным беднягой», прорвавшимся сюда из «Совдепии». Так, герой его рассказа «Русский беженец в Праге» (1922) Андрюша Перескокин, одичавший и оголодавший, никак не может понять, что он оказался в стране, где всё есть и ничего не нужно запасать впрок: *«Эй, мальчик, что несешь? Газеты. Это не советские? Ну, дай тогда десять штук. Что, одинаковые? Это, брат, неважно, зато всю правду узнаю. Все десять и прочту»*.

В одной из рецензий на творчество Аверченко отмечалось: «Он выбирает одну черту, одну сцену как самостоятельную, а затем характеризует ее своего персонажа. Это по сути своей прием карикатуриста, и талант Аверченко тоже более всего тяготеет к карикатуре; для чешского читателя... этот русский юмор кажется на первый взгляд несколько суровым, безжалостным, гротескным... Нас овеивает абсолютно новый воздух...»

В зарисовках Аверченко нет хищной беспощадности: в них присутствует скорее доброжелательная улыбка, примеряющая и прощающая, над человеческой комедией». ²⁴

Говоря о писательской манере А.Аверченко, мы уже упоминали о сходстве его творчества с традициями англо-американской литературы (стилизация ранних рассказов «под Твена»), с одной стороны, и европейской литературы («русский Гашек») – с другой. Вместе с тем, в его дореволюционной новеллистике критики усматривают также стиль раннего А.Чехова. А прием гиперболизации, к примеру, мастерски используемый Аверченко, находим у Н.Гоголя, основоположника гротеска. Мы полагаем, что юмор Аверченко сформировался в традициях русской юмористической прозы, несмотря на то, что в нем нет глубинных прозрений Гоголя и психологической утонченности Чехова. Согласимся с тем, что творчество А. Аверченко «представляется таким, в котором содержится ряд элементов, уже прежде встречавшихся у его предшественников. Сочетая их в своих произведениях по-иному и по-своему, Аверченко удавалось создавать юмористические эффекты, воспринимавшиеся читателем как новые, своеобразные и типично аверченковские»²⁵ (Д.Левицкий). При этом юмор Аверченко легко переводим на европейские языки, что отличает его от прозы многих других русских писателей. Как выразился чешский рецензент, «русские писатели вели плуг, как правило, глубоко... чехи, в отличие от них, страдают, скорее, склонностью к добросердечному послеобеденному юмору... у нас, чехов, он (Аверченко) приобрел гораздо большую популярность, чем дома» (Д-р Йоз.Гостовский).²⁶ За годы пражской эмиграции у Аверченко вышло более десяти книг. Его издавали не только в Праге, но и в Париже, Берлине, Варшаве, Загребе, Софии, Харбине, Нью-Йорке. Его переводили на все европейские языки. Театры Риги, Берлина, Моравской Остравы, Праги ставили его плутовскую трагикомедию «Игра со смертью» (1920).

Наиболее значительные сборники этого времени – «Двенадцать портретов знаменитых людей в России» (Париж–Берлин–Прага, 1923) и «Пантеон советов молодым людям на все случаи жизни» (Берлин, 1924).

«Двенадцать портретов...» вполне можно считать продолжением «Дюжины ножей в спину революции», год издания которой требует небольшого уточнения. Севастопольская книга «Дюжина ножей в спину революции. 12 новых рассказов» (1920) была переиздана в Париже в 1921 году и долгое время находилась под авторитетом ленинской оценки (о ней упоминалось в главе 2).

²⁴ Хлебина А.Е., Миленко В.Д. Аверченко А. Русское лихолетье глазами «короля смеха» – М.,2011

²⁵ Левицкий Д.А. Аркадий Аверченко. Жизнь и творческий путь. – М., Русский путь, 1999

²⁶ Хлебина А.Е., Миленко В.Д. Аверченко А. Русское лихолетье глазами «короля смеха» – М.,2011

Напомним, сборник рассказов «Дюжина ножей в спину революции» явился первым осмысленным откликом писателя на водоворот событий, захлестнувших Россию после 1917 года. Революция глазами прежде «неполитического человека», представления о дальнейшем развитии жизни в советской России, обличение политических деятелей, приведших страну к революционному перевороту, а также воспоминания о прежней жизни – вот неполный перечень тем, затронутых Аверченко. Литературоведы обращают внимание на жанровое разнообразие (лирический рассказ, сатирическая сказка, рассказ-сценка и др.) и особую поэтику сборника.

Книга «Двенадцать портретов знаменитых людей в России» создана в том своеобразном жанре, который сложился в среде русской эмиграции – это пересказ и комментирование слухов или публикаций из Советской России. Сложился даже определенный композиционный шаблон. Экспозицией служит фраза: «Как рассказали нам недавно вырвавшиеся из Советской России...», далее следует изложение чудовищных и порой абсолютно невероятных слухов. Резюме всегда одно и то же: всё ужасно, большевизм скоро падет, нужно чуть-чуть подождать. Сборник включает «портреты»: «Мадам Ленина», «Мадам Троцкая», «Петерс», «Максим Горький», «Федор Шаляпин», и др. Блестящим скетчем, выдержанным в традициях «черного юмора», является «Феликс Дзержинский». Поводом к написанию «портрета» послужило сообщение в газетах о том, что знаменитый чекист очень любит детей. Разумеется, эта тема не могла не вызвать желчного комментария Аверченко:

«В детском приюте – ликование:

– Дядя приехал! Дядя Феликс приехал!!

– Тише, детки, не висните так на мне...Ну, как поживают мои сиротки?

– Как, сиротки? Что вы, товарищ Дзержинский! У них у всех есть отцы и матери.

– Хе-хе. Были-с. Были да сплыли. Этого беленького как фамилия?

– Зайцев.

– Ага, помню. Это совсем свеженький сиротка. С позавчерашнего дня...»

Однако не все эмигрантское творчество Аверченко столь желчное и безрадостное. Так, в сборнике «Пантеон советов...» читатель вновь встречается с весельчаком Простодушным. Здесь нет ни черной злости, ни отчаяния, ни антисоветских филиппик. В предисловии «От автора» Аверченко обращается к читателю: *«Я проник во всё: и в психологию хорошенькой женщины, и в психологию жениха, и даже в психологию тетки жениха с материнской стороны. Я могу заботливо вас сопровождать по скользкому житейскому пути, деликатно поддерживая под руку, чтобы вы не шлепнулись носом о мать-сыру землю. Я всё могу».* Автор щедро раздает советы, как держать себя в обществе и на званом обеде; на свадьбе и на похоронах и даже как

выигрывать войны (для начинающих полководцев). Все эти рекомендации полны аверченковского юмора и доброй иронии.

В сочинениях последних лет жизни Аверченко с новой силой проявляется детская тема – книги рассказов «Дети» (1922) и «Отдых на крапиве» (1924).

Нельзя не отметить, что только на чешском языке, в издательстве Вилимека вышло приведённое в порядок самим автором, или, как говорил Аверченко, им самим «причёсанное и умытое», первое, двенадцатитомное собрание сочинений (тт.1-4 в 1923 году, тт.5-10 в 1924, тт.11-12 в 1925 году).

Аркадий Аверченко был очень горд и в предисловии к первому тому написал: *«Приступив к работе над чешским изданием своих сочинений, хочу, прежде всего, сообщить чешскому читателю свою семейную радость: у меня такое чувство, что после долгих лет холостяцкой жизни я вдруг решил вплыть в тихую гавань – и женился. ...Как и любая холостяцкая жизнь, моя была неуютной и беспорядочной. С этой минуты я становлюсь примерным семейным человеком – впервые издаю собрание своих сочинений»* (1923).

Йозеф Рихард Вилимек (Josef Richard Vilímek), 1860-1938, чешский издатель, владелец пражского издательства J.R. Vilímek, основанного в 1858 году его отцом, Й.Р. Вилимеком-старшим. Издательство сотрудничало с крупнейшими европейскими писателями, в числе которых были Жюль Верн и Артур Конан Дойл.²⁷

С другим издателем, Яном Сватеком, связана история с изданием сборника «Нечистая сила» в 1922 году. После выхода в свет он продавался с подзаголовком «В пользу страдающих русских», маркой с портретом Плеханова и надписью «Заключенным социалистам в России». Позже, в прессе появилось сообщение о том, что «А.Аверченко подписался в посвящении на книгу: «от ограбленного автора». Намекая на то, что чешский издатель выпустил его книгу без малейшей заинтересованности в том, как на это смотрит писатель...» («Moravskoslezský deník», 1922).

Ян Сватек (Jan Svátek), 1883-1958, издатель художественной и научно-популярной литературы из г.Чешские Будейовицы. Издательство существовало в 1909-1948 годах. Ян Сватек считается одним из наиболее выдающихся деятелей национальной культурной жизни в Чешских Будейовицах.

Здесь отметим также переводчиков с чешской стороны, которые принимали в издании книг А.Аверченко самое деятельное участие. Так, перевод трехактной комедии «Игра со смертью», премьера которой состоялась 29 ноября 1922 года в Праге, на сцене Театра на Королевских Виноградах, выполнил Винценс Червинка (режиссер – Борис Кривецкий, сценография – Йозеф Вениг).

²⁷ Aleš Zach: Stopami pražských nakladatelských domů, Praha, Thyrus 1996

Винценс Червинка (Vincenc Červinka), 1877-1942, чешский журналист, переводчик, театральный и литературный критик, первым перевел на чешский язык произведения многих русских писателей, в том числе Аркадия Аверченко.

В 1910, 1912, 1914 годах в Праге выходили сборники рассказов А.Аверченко в его переводах, а также Станислава Минаржика, Владимира Веверки.

Директор «Русспресса», представлявший защиту литературных интересов писателя, Венцеслав Швиговский, вел переговоры непосредственно со всеми издателями и редакторами периодических изданий относительно публикаций А.Аверченко. В.Швиговский (Věnceslav Švihovský, 1875-1957) являлся неординарной, интересной личностью. Родившийся в семье волынских чехов, перебравшихся на Западную Украину, он в юности вместе со Львом Троцким входил в один политический кружок. Активно публиковался в чешских и русских газетах. В 1911-1918 годах издавал в Киеве газету «Чехослован» и занимался издательской деятельностью для потребностей русских чехов. В годы первой мировой войны он состоял во всех чешских объединениях и кружках Киева, принимал деятельное участие в формировании Чешской дружины, поддерживал связи с украинскими политическими деятелями и в 1919 году в составе украинской дипломатической миссии был направлен в Чехословакию. После недолгой дипломатической службы обосновался в Праге. Вернувшись к профессии журналиста, В.Швиговский основал агентство Central European Press, которое и возглавлял до прибытия в Прагу А.Аверченко. В 1930-1940 годах он руководил Чехословацким иностранным институтом, объединившим чехословацкую диаспору за границей, но после коммунистического переворота в 1948 году был уволен. Последние годы жизни провел уединенно под Прагой.

В Праге написаны и последние произведения Аркадия Аверченко – «Рассказы циника» (1925) и юмористический роман «Шутка Мецената» (1923).

«ШУТКА МЕЦЕНАТА» – ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РОМАН А.АВЕРЧЕНКО

Единственный юмористический роман и одно из последних произведений Аверченко был создан в течение месяца в Сопоте (1923) и раскуплен несколькими издательствами еще до написания. Отдельным изданием роман вышел в свет уже после смерти писателя в пражском издательстве «Пламя», в 1925 году.

Право первой публикации принадлежало ковенской газете "Эхо", возглавляемой бывшим «сатириконцем», писателем-юмористом Аркадием Буховым.

Действие романа происходит в дореволюционном Петербурге в 1910-х годах. "Шутка Мецената" – юмористическая, лирическая, местами грустная, написанная, как и все произведения Аверченко, великолепным литературным языком история из жизни богемы Петербурга, хорошо знакомой писателю. Роман вызывает двойственное впечатление. С одной стороны, это – попытка автора воскресить атмосферу веселого творчества, оптимизма и беззаботности. С другой, несмотря на ремарку «юмористический», роман пронизан ностальгией по милой сердцу беззаботной жизни, исчезнувшей безвозвратно. Известен факт, когда художник Алексей Радаков, прочитав «Шутку Мецената», заплакал – так живо вспомнились ему их «сатириконская банда» и молодость, наполненная творчеством, сумасбродством и канувшая в Лету.

В последние годы, когда создавался и роман, Аркадий Аверченко сетовал на то, что *«...тяжело как-то стало писать... Не пишется. Как будто не на настоящем стою»* (из воспоминаний журналиста Л.Максима).²⁸

Некоторые литературоведы увидели в романе отражение творческого кризиса и даже цинизм автора. Но мы скорее согласимся с близко знавшим писателя Аркадием Буховым,, который «прочел залпом и...должен сказать, что он написан тепло и весело».²⁹

Заметим, что определение жанра романа принадлежит самому Аверченко; то, что вышло из-под его пера, можно причислить к небольшой повести.

Главные действующие лица – Меценат, его «клеветы» Кузя, Новакович (Телохранитель), Мотылек, а также начинающий поэт Шелковников (Куколка) и две женщины – Вера Антоновна (Принцесса, жена Мецената) и Яблонька, девушка, в которую влюблен студент Новакович; обе они сыграли определенную роль в жизни главных героев.

Прежде чем перейти к сюжету и анализу романа, охарактеризуем действующих лиц.

²⁸ Аверченко А. Русское лихолетье глазами «короля смеха»/Сост.Хлебина А.Е., Миленко В.Д. – М., 2011

²⁹ Миленко В.Д. Аркадий Аверченко.– М.,Молодая гвардия, 2010

Меценат – «благодушный скучающий богач» средних лет, проводит время «в позе отдыхающего льва», в окружении своих друзей по прозвищу Кузя, Телохранитель и Мотылек, молодых людей из богемной среды, талантливых, но не очень удачливых, которым он покровительствует, помогает деньгами, кормит обедами и т. д. Все они из числа случайных знакомых Мецената, встреченных им во второразрядных ресторанчиках и трактирах. Их общие черты – одаренность, непрактичность и неустроенность в жизни.

В портретной характеристике Мецената современники легко угадывали черты самого автора: *«Огромный, грузный человек с копной полуседых волос на голове, с черными, ярко блестящими из-под густых бровей глазами, с чувственными пухлыми красными губами»*. О своем герое Аверченко сообщает следующее: *«Странный господин этот Меценат. По существу, неплохой человек, он с ранней юности был заедаем скукой, и эта болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям»*. Не нуждающийся в деньгах, Меценат *«полон энергии и пылкой фантазии, которые он направлял в самые неожиданные стороны... Временами целые дни валялся на диване..., а потом вдруг на него напала дикая энергия, и он носился с компанией своих приспешников из подозрительных трактиров в первоклассные рестораны и обратно, шумя, втягивая в свою орбиту массу постороннего народа, инсценируя ссоры, столкновения и разрешая их гомерическим пьянством... И потом после двух-трех таких бурных дней снова тихо опускался на дно...»*.

Женитьбу Мецената на Вере Антоновне, «гомерически» ленивой женщине, ум и тело которой *«были всегда в дремлющем состоянии»*, больше всего желающей в браке, что *«ее не будут тормозить»*, автор объясняет одной интересной особенностью своего героя: *«Меценат пылко, истерически любил всякую красоту – в красках ли, в звуке, в шелесте спелой ржи или в текучей изменчивости подвижного лица прекрасной женщины»*.

Кузю, репортера в «одной, очень плохо читаемой газете», автор описывает как «бесцветного молодца с жиденькими усиками и вылинявшими голубыми глазами», энциклопедиста, великолепного шахматиста, при первой же встрече обыгравшего Мецената на крупную сумму. Его хитрость, леность и остроумный цинизм восхищали Мецената:

– Я вас люблю, Меценат.

- Спасибо, Кузя. Ты так ленив, что эти четыре слова, выведенные безо всякого принуждения, я ценю на вес золота.

Другой персонаж – Телохранитель, молодой человек большой физической силы, добродушный, услужливый и вдохновенный лгун: *«он мог так нахально рассказывать о самых невероятных вещах, способен был так просто и самоуверенно лгать, что одним своим тоном мог поколебать недоверие самого скептического слушателя»*.

Последний «клевет», которого Аверченко называет «беззаботным поэтом», Мотылек, с *«лицом, покрытым прихотливой сетью морщин и складок, так что лицо его во время разговора двигалось и колыхалось, как вода, подернутая рябью»*; талантливый писатель и поэт, не сумевший создать себе имя и прочное положение в литературно-журналистских кругах и прозябавший на должности секретаря безвестного журнала «Вершина». Меценат и Кузя, тоже журналист, *«в интимной беседе горевали, что их столь одаренный приятель не может добиться известности»*.

В нюансах зная журналистский мир, А.Аверченко с блеском воспроизводит наиболее яркие и типичные черты отдельных коллег по цеху. Так, в романе он поместил пародию на разговорную манеру одного из самых беспринципных журналистов тогдашней петербургской бульварной прессы Регинина, чье имя уже во времена «Сатирикона» стало нарицательным: *«Здравствуйте, красавец! Зарабатываете? Красота! А галстучек-то! Мода! Король Эдуард пуговицу на жилетке для моды расстегивал! Англичане! Гибралтарский вопрос! Думаю в Испанию поехать – кастаньеты, танцовщицы, в «аквариуме» давно были? Осетрина беарнез чудная! Рыбный вопрос! Думаю рыбной ловлей заняться! Море – Черное – Каспийское – нефтяные вышки – Нобель – керосиновый король – красавец – зарабатывает!!»*.

Отметим сразу особенность круга Мецената – награждать прозвищами всех, кто с ним соприкасался. Так в жизни героев появляется «Яблонька в цвету» – *«высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шелковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнувшая яблочным цветом...»*. Сам автор дает интересное объяснение самому понятию «прозвище»: *«этим как будто вносился какой-то корректив в ту слепую случайность, благодаря которой человек всю жизнь таскает на своих плечах имя, выбранное не по собственному вкусу или вкусу других, а взятое черт знает откуда»*.

Шелковников – молодой провинциальный поэт, миловидный («Байрон в юности»), благовоспитанный и учтивый, при знакомстве прозванный компанией Мецената Куколкой. Наивный, вероятно, глуповатый и тщеславный (он считает Пушкина поэтом, пишущим «довольно пространно»), Куколка приходит в восторг от этого общества и принимает за чистую монету все комплименты своему «шедевру», не замечая, что над ним смеются:

«Мотылек сложил свое гуттаперчевое лицо в гармонику и пылко продолжал: – А это: «Кругом – трава!» Трава, и больше ничего. Стоп. Точка. Но я чувствую аромат этой травы, жужжание тысячи насекомых. Посмотрим дальше... «В избе – старушка». И верно! А где же ей быть? Не скакать же по траве, как козленку. Не такие ее годы. И действительно, поэт тут же веско подкрепляет это соображение: «Скрипит едва».

*Кругом пустыня, одинокая старость – какой это, в сущности, ужас! Что ей остается?
Скрипеть!*

Меценат опустил голову и закрыл рукой лицо с целью скрыть предательский смех, а Куколка ясным взором восторженно оглядывал всю компанию и поддакивал: – Да, да!.. Я вижу, вы поняли мой замысел».

Меценат и его свита от скуки решают сделать Куколку знаменитостью. Кузя берется протолкнуть в газеты несколько заметок о новоявленном «гении». Петербургские читатели последовательно узнают о том, что «молодой, но уже известный в литературных кругах поэт» выступал со стихами в доме Мецената; что «на нашем скудном небосклоне» появилась «новая звезда»; что скоро выходит первая книга стихов талантливого поэта; что Академия наук поставила вопрос о награждении пушкинской премией поэта В.Шелковникова. Друзья устраивают шуточную коронацию Куколки в «короли поэтов».

Процесс незаметно выходит из-под контроля Мецената, и «заговорщики» терпят сокрушительное поражение от собственной шутки, обернувшейся против них самих. Куколка действительно становится знаменитостью. Его фотографии продаются у Дациаро (в крупнейшем книжном магазине), модный портной шьет ему фрак, журнал «Вершина» предлагает место редактора, а первую книгу стихов берется печатать самое престижное издательство. Наконец, в Куколку влюбляются жена Мецената и прекрасная Яблонька, которая выходит за него замуж. Счастливый Куколка, так и не догадавшись, что должен был стать жертвой розыгрыша, приходит в дом к Меценату и с воодушевлением благодарит «друзей» за помощь и поддержку.

В книге присутствуют все приметы литературной жизни дореволюционного Петербурга: власть бульварной прессы над общественным мнением, тяга к скандалу в искусстве, церемонии коронования в поэты, «лукулловы пиры» богемы. В этом жестоком мире не печатают стихи талантливого Мотылька, зато разрекламированная бездарность уверенно прокладывает себе путь в творчестве.

Сам того не желая, Куколка наносит по самолюбию каждого из друзей болезненные удары. И больше всех страдает поэт Мотылек, наблюдая, как Куколка добивается успеха там, где он потерпел фиаско.

Все герои описаны с легким юмором, любовью, не забыты детали, видимо, очень памятные автору (к примеру, описание кабинета Кавказского погребка на Караванной улице).

«Юмористический» роман содержит в себе типичные черты драматического произведения, в нем есть завязка, кульминация, эффектная развязка.

После краткой экспозиции (глава «Его величество скучает»), в которой автор знакомит читателя с Меценатом и его окружением, следуют две главы с новым персонажем – Куколкой. Его появление связано с шутивным «заговором» против него и составляет завязку действия. Медленно нарастая и ослабевая в рассказах основных лиц («Болтовня на ковре»), напряжение достигает кульминации и эффектной развязки в объяснении между Куколкой и Меценатом (глава «Мат Меценату»).

Заметим, что «Шутка Мецената» – это не комедия положений, комический эффект в романе достигается в результате очевидного психологического просчета главных действующих лиц. Аверченко-писателя отличает умение комбинировать своеобразно, по-новому приемы создания комического, имеющиеся в традициях русской литературы, в частности, в творчестве Н.Гоголя.

Кузя, Мотылек, Новакович подпадают под определение богемы в ее общепринятом смысле, т.е. как интеллигентная беднота, которая *«артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным»*. Собственно, и Меценат, имея социальный статус аристократа, тем не менее, можно отнести к миру богемы. Мы находим этому подтверждение у автора: *«...писал очень недурные рассказы, но не печатал их. Прекрасно импровизировал на рояле, но тут же забывал свои творения»* (глава «Вообще о Меценате»). В конце романа Меценат, *«одетый в белый балахон, лепит новый бюст Мотылька»*.

Можно предположить, что Аверченко видел в Меценате лишь талантливую дилетанта, не проявляющего в своем творчестве достаточного упорства и самоотверженности, и не стремящегося к признанию и славе. Вместе с тем его роднит с типичными представителями богемы некоторая чудаковатость, независимость суждений и вкусов. В этом смысле неслучайно данное автором имя – Меценат. Его богатство, материальная независимость обеспечивают сгруппировавшимся вокруг него «клеветам» привольную богемную жизнь.

По мнению Д.Левицкого, роман «Шутка Мецената» отражает мечту автора об идеальной богеме, материально обеспеченной и предоставляющей возможности независимого творчества, «не стесненного никакими условностями и обусловленного одним лишь талантом».³⁰

Заметим, что для самого Аверченко, обладающего кроме таланта, чувством собственного достоинства, было нормальным фактом жизни иметь солидный счет в банке, свиту почитателей, высокие тиражи своих книг, собственную квартиру с обстановкой и

³⁰ Левицкий Д. А. Аркадий Аверченко. Жизнь и творческий путь. – М., русский путь, 1999.

библиотекой, элегантный фрак и булавку с синим бриллиантом в галстук (Всё это он имел до прихода к власти большевиков и всем этим, вновь обретенным в эмиграции, можно сказать, бросал вызов тем же большевикам).

Свои представления о богеме Аверченко окрашивает в национальные черты и сближает их с волжской вольницей:

«Гляди весело! Ходи козырем! Выпьем нынче, чтобы звон пошел, а завтра айда к берегам старой матушки Волги – целой разбойничьей ватагой... Айда!», – предлагает он после фиаско своим компаньонам.

В «Шутке Мецената» А.Аверченко предстает, как и прежде, блистательным мастером изящной, остроумной прозы, человеком, который, по выражению А.Куприна, «знал много жизненных радостей и сам дарил другим радость щедрыми пригоршнями».³¹

Среди чешской публики роман, к сожалению, не «пошел», для массового читателя, не знакомого с реалиями российской дореволюционной жизни, в нем не доставало интриги, острюжетности, сенсационности.

В заключение отметим, что в СССР роман «Шутка Мецената» впервые был опубликован лишь в 1990 году.

³¹ Куприн А. И. Аверченко и «Сатирикон» // Куприн А. И. о литературе. Минск, 1969

Заключение

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880-1925) – выдающийся русский писатель XX века, титулованный «король смеха», признанный классик сатиры и юмористической прозы с богатейшим литературным наследием.

Он также является основателем, редактором и автором популярнейших в первой трети XX века журналов «Сатириконъ» (1908-1913) и «Новый Сатириконъ» (1913-1918), которые создали новое направление в русской сатирической литературе и стали национальными феноменами в российской журналистике.

Творчество А.Аверченко отличается многообразием и оригинальностью авторских приемов создания комического эффекта. Писатель умел мгновенно схватить комическую коллизию, довести ее до абсурда, трансформировать в зрительный образ-карикатуру и создать острохарактерный диалог. Аркадий Аверченко первым обратился к проблематике авантюрной прозы и ярко изобразил основные плутовские типы, порожденные революционной эпохой и масштабными историческими коллизиями.

В дипломной работе мы приводим фрагменты из произведений А.Аверченко дореволюционного и послереволюционного периодов, в том числе периода эмиграции, которые ясно показывают изменения в природе его юмора, переход от беззаботного, «краснощекого» смеха к сатире и «черному юмору». Писатель занимал резко отрицательную позицию по отношению к большевикам и советской власти, которую последовательно высказывал в своем творчестве.

Чехия стала второй родиной писателя. Чешские читатели ценили его легкий юмор, понятный европейцам, а пресса называла «русским Гашеком». Его произведения «пользовались всеобщей любовью так же, как гашековский «Швейк» (Dr.Jos.Hostovský).

В Праге А.Аверченко много писал и публиковал свои рассказы почти во всех чешских СМИ, его книги переведены на многие европейские языки. Здесь был написан единственный юмористический роман и одно из последних произведений – «Шутка Мецената» (1923). При жизни писателя в пражском издательстве Вилимека вышло первое, двенадцатитомное собрание сочинений.

«Аркадий Аверченко принадлежит не только русским, он близок и чехам. В нем чешские писатели и журналисты, и чешский народ уважали не только большого писателя, но и русского патриота, который поддерживал дух русской эмиграции и учил ее вере в будущее России...» (Vincenc Šervinka, чешский журналист, переводчик, театральный и литературный критик).

Пражский период, один из самых интересных в жизни писателя, пока еще недостаточно исследован, и мы выражаем надежду, что исследования биографии и литературного наследия Аркадия Аверченко будут продолжаться.

Библиография

Русские источники:

АВЕРЧЕНКО А. *Хлопотливая нация*. Юмористические произведения Москва: «Политиздат» 1991, 464 с.

ГОРНЫЙ С. «Сатирикон» (Силуэт). *Аркадий Аверченко // Руль*. 1925 14 марта.

ЕВСТИГНЕЕВА А.А. *Журнал «Сатирикон» и поэты – сатириконовцы*. Москва., 1968. 454 с.

КУПРИН А. И. *Аверченко и «Сатирикон» // Куприн А. И. о литературе*. Минск, 1969. 110 с.

ЛЕВИЦКИЙ Д.А. *Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко*. Москва: Русский путь, 1999. 580 с.

МИЛЕНКО В.Д. *Аркадий Аверченко*. Москва: Молодая гвардия, 2010. 327 с.

МИХАЙЛОВА О.Н. *Литература русского зарубежья. 1920 - 1940*. Москва: ИМЛИ РАН, 2004.

НИКОЛАЕВ Д.Д. *Русская проза 1920-1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза*. Москва: Наука, 2006. 688 с.

РЫКЛИН Г. *Несколько слов о «Сатириконе» / Предисловие к книге: Поэты «Сатирикона»*. Москва. 1966. 456 с.

СПИРИДОНОВА Л. А. *Русская сатирическая литература начала XX века*. Москва, 1993. 210 с.

ХЛЕБИНА А.Е., МИЛЕНКО В.Д. *Аверченко А. Русское лихолетье глазами «короля смеха»* Москва: Посев. 2011. 427 с. ISBN: 978-5-85824-204-8

Чешские источники:

ZACH, Aleš. *Stopami pražských nakladatelských domů*, Praha: Thyrus 1996, 89 s. ISBN 80-901774-4-1

MORÁVKOVÁ, Alena. *Averčenko a Čechy*. s. 363-365.

KOPŘIVOVÁ, Anastasie. *Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921-1952.)* 1. vyd. - Praha : Národní knihovna České republiky, 2001. 113 s. ISBN 80-7050-378-5

JIRSOVÁ, Olga. *Vincenc Červinka – překladatel*; Vyžlovka 2006. 80s.

KOPŘIVOVÁ, Anastasie. *Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze*. Praha: Národní knihovna České republiky, 1995. 31 s. ISBN 80-7050-217-7

Резюме

Чехия, ставшая для Аркадия Аверченко последним домом, подарила ему несколько лет относительно цивилизованной жизни, по которой он так тосковал все годы изгнания.

Здесь сатирик постепенно отошел от политической борьбы. А.Аверченко в Чехословакии называли «русским Гашеком».

За годы пражской эмиграции у Аверченко вышло более десяти книг. Его издавали не только в Праге, но и в Париже, Берлине, Варшаве, Загребе, Софии, Харбине, Нью-Йорке. Его произведения переводили на все европейские языки.

Наиболее значительные сборники этого времени – «Двенадцать портретов знаменитых людей в России» (Париж–Берлин–Прага, 1923) и «Пантеон советов молодым людям на все случаи жизни» (Берлин, 1924).

Последние произведения писателя – «Рассказы циника» (1925) и юмористический роман «Шутка Мецената» (1923).

Только на чешском языке в издательстве Вилимека вышло первое, двенадцатитомное собрание сочинений А.Аверченко.

Свое отношение к стране писатель выразил так: «Чехия стала моей второй родиной, и я счастлив, что могу породниться со столь симпатичным братским славянским домом».

Resume

Czechoslovakia, which has become for Arcadiy Averchenko second home, gave him several years of relatively civilized life, in which he so yearned for all the years of exile.

Here satirist gradually withdrew from political struggle. Averchenko was in Czechoslovakia called «Russian Hasek».

During the years of exile in Prague Averchenko published more than ten books. His books were published not only in Prague but also in Paris, Berlin, Warsaw, Zagreb, Sofia, Harbin, New York. His works were translated into all European languages.

The most significant collections of this time – «Twelve portraits of famous people in Russia» (Paris-Berlin-Prague, 1923) and the «Pantheon of advice to young people on all occasions» (Berlin, 1924).

Recent works of the writer – «Cynic's storeys» (1925) and the comic novel «The Joke of the Maecenas» (1923).

His attitude to the country writer expressed: «The Czechoslovakia has become my second home and I am happy to be able to intermarry with such a cute brotherly Slavic nation».

Resume

Československo se stalo pro Arkadije Averčenko posledním domovem a dalo mu několik let relativně civilizovaného života, po kterém po všech těch letech v exilu tak toužil.

Zde se satirik postupně stáhl z politického boje. Averčenko v Československu nazývali «ruským Haškem».

V letech pražské emigrace Averčenko publikoval více než deset knih. Jeho knihy vydávali nejen v Praze, ale také v Paříži, Berlíně, Varšavě, Záhřebu, Sofii, Charbinu nebo New Yorku. Jeho díla byla přeložena do všech evropských jazyků.

Mezi nejvýznamnější sbírky této doby patří – «Dvanáct portrétů znamenitých lidí» (Paříž-Berlín-Praha, 1923) a «Пантеон советов молодым людям на все случаи жизни» (Berlín, 1924).

Poslední díla spisovatele – «Povídky pro rekonvalescenty» (1925) a humoristický román «Žert mecenášův» (1923).

Jeho postoj k zemi spisovatel vyjádřil těmito slovy: «Československo se stalo mým druhým domovem a jsem rád, že jsem se mohl spříznit s takovým sympatickým bratrským slovanským národem».